

Александр Сукиасян

18+

Вечерний силуэт

Александр Сукиасян

Вечерний силуэт

«Издательские решения»

Сукиасян А.

Вечерний силуэт / А. Сукиасян — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. История длиной в 20 лет. Диана живет в опасном пригороде Лос-Анджелеса. Вместе с Максом они учатся в одной школе и мечтают прожить вместе всю жизнь. Ее брат, вспыльчивый вольнодумец Эдди, возглавляет уличную банду, желает разбогатеть и увести сестру из ужасного городка. В погоне за легкими деньгами его жизнь оказывается под угрозой, отвести которую может только Диана — пора выбрать между жизнью брата и любовью Макса. Стремительно лишившись юности, все трое подвергаются жестоким испытаниям.

© Сукиасян А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. 1 сентября 2000 года	9
Глава 2	23
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Вечерний силуэт

Александр Сукиасян

© Александр Сукиасян, 2026

ISBN 978-5-0070-7969-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало. Появление Дианы. 2 июня 2020 года.

«Макс, как же трудно писать это и смотреть на тебя».

Во сне он не основатель единственной в Армении справочно-правовой системы и хозяин прибрежного ресторана, а тот еле дышащий парень на бордюре у дома Назарянов в день ее исчезновения, вдыхающий идущую из-под мышек потную вонь. Ясно, даже во сне сквозь двенадцать лет, слышен хруст разошедшейся ткани на брюках, когда он вскочил при виде выехавшей из дома, накрытой черным пакетом, каталки. Явилась его помощница Анна, с которой они познакомятся лишь через лет десять, и пока заглядывала в прогалины сомкнувшего дом кольца полицейских, он в отчаянии зарылся лицом в ладони. Помощница бросилась к нему, очки съехали по вспотевшей от замешательства переносице — ведь книги «если шеф заплакал» она не читала.

Вскочив посреди ночи, он, как обычно, походил по спальне, разглаживая ладонью космы черных волос, поморгал, отгоняя жгучий глаза полусонный кошмар. Открыл окно, вдохнув ночную жару; золотой колос на вершине длинного, теряющегося в ночи обелиска «Возрожденная Армения» впереди поблескивал в лунном сиянии. Неужели я никогда не пройду это распутье? Мне почти тридцать один год, а тот день и то письмо..., Диана. Восемнадцать лет.

Тишину порвал звон посуды и два коротких писка духовки; из кухни потянуло творожной кислинкой и потрескиванием жарящегося масла. Обрадованный, Макс надел шорты, безрукавку и прокрался к сестре на кухню.

— Я уж подумала ты стал спать по ночам. — Кристина вынула из холодильника сыры, лаваш и зелень — их любимый ночной ужин — тихо разложила на столе. — Съешь один рулет и ложись. — Она села напротив него, готовая слушать очередной ночной монолог брата.

— Сейчас опять видел сон. — Макс склонился над тарелкой, заворачивая в лаваш куски белого козьего сыра, столь соленого, что разъедает губы. В окно проникали тусклый свет и редкие шумы пролетающих машин по шоссе, с угла открывался кусок смотровой площадки, мрачный, освещенный тремя огоньками фонарей, место, где он сидел почти десять лет каждый день по пять часов. Жара второго летнего дня разбавлялась приятным ветром, летящим сюда с окраин. — Диана — он указал рукой в сторону спальни дочери — вся моя жизнь. Твой мужек, прости меня, поднял передо мной лапки. Все, как я хотел. Но нет. Обманутый мальчик остался один со своей тоской.

Сестра плотнула чая, поморщилась.

— Горячий. Ты можешь что угодно говорить Эдгару, но он, в отличие от тебя, принял и зажил дальше.

— О, тут он молодец, — деланно восхитился Макс, долго протягивая букву «О». — Нет, я тоже у него кое-чему научился. Для него Диана была превыше всего. Что ж, я тоже не хуже. И я тут подумал. — Он выдержал паузу, огорчившись на себя за несдержанность, ведь готовился объявить об этом как угодно, только не ночью в кухне сестры. — Я так школу и назову. «Школа с объединенным образованием имени Кристины Манукян». — И кивнул в подтверждение своих слов.

Зазвонил телефон — Джефф.

— Почти не опоздал. — Макс подобрал трубку со стола. — Привет Калифорния! Какие новости, док?

— Макс, это я, Диана. Назарян Диана.

Он понял только, что Кристина слышала из-за высокой громкости динамика, и, как и он, онемела. Влетевший в окно порыв ветра обдал его лицо и подхватил волосы сестры, словно подталкивая очнуться.

— Диана?

— Я в Стенсфилде, с Джеффом и Эммой, мы встретились сегодня. Со мной Эрион. Эмма дала мне письмо. Твое письмо, помнишь?

— Я... я... Диана? — Слова заглушил стук в груди. Проказник Джефф выдумал отвратительную шутку.

— Джефф взял мне билет, вылет через пять часов. Ты встретишь?

— Ээ... — Макс переложил телефон к другому уху — то все запотело. — Встречу? Конечно. Но как... что... А что за Эрион?

Сестра вырвала трубку, перевела динамик в режим громкой связи и накинута на Джеффа с угрозой.

— Убью за твой хренов розыгрыш, олух! Взрослый, серьезный мужчина, разве можно так делать? Слышишь меня?

Вдалеке раздалось возмущенное:

— Сама такая! — Отбой, секунда задержки, и звонок с видео. Брат с сестрой наперегонки бросились смахнуть пальцем по экрану. Появились Джефф, Эмма, и Диана. У портала главного входа Стенсфилда, позади подпрыгивают зернышки воды фонтана.

— Кто из нас олух, Фомы вы Неверующие, вот она. — Джефф несколько раз ткнул пальцем в плечо Дианы, обнял и смачно чмокнул в висок. Из него вырвался бесконтрольный смех, он вручил трубку Диане и отвел Эмму в сторону.

Это она. Каменная, не двигая головой, только широкие глаза прыгали с Макса на Кристину, рот приоткрыт.

Джефф снова влез в экран:

— Мы встретились сегодня утром в комнате допросов офиса шерифа, ее привез туда ФБР, она назвала номер своего дома. Проверили, кто владелец и позвали. Она тараторит только одно — купи мне билет в Ереван, купи мне билет в Ереван. Я поставил ей ультиматум — или летим все вместе, или не летишь. А она мне встречный — нет, лечу одна, купи мне, а то сбегу из дома.

— Нет, и все, — подтвердила Эмма, рубанув воздух ладонью. — Умоляем ее остаться с нами хоть неделю, — она повернулась к Диане, нахмурившись и укорительно передразнив: — Лечу завтра одна. Все!

За все время Диана так и не шевельнулась, лишь следила глазами за Манукянами взглядом какого-то притаившегося зверька, внезапно влюбившегося в охотника. Больше всего его ошеломила простота, с которой Диана говорила. Прямота и какая-то инфантильная легкость. Слова ее звучали, как «привет, я пришла, прочла, что ты на Каскаде, завтра буду там. Встречай». Словно в ней исчезла всякая способность к причинно-следственному анализу. По сравнению с Дианой тех лет эта представляла собой недоразвитое чадо, упорно твердящее только свое.

Ночь отступала, сменяясь первыми робкими предрассветными сумерками. Из сереющей темноты все четче проступал силуэт сонного города. Самолет приземлился два часа назад, и вот уже час, как Диана, Эдди и Кристина не бросают попыток дозвониться до него. Они ждут

его аэропорту. Решено было не говорить младшей Диане о «воскрешении» старшей до того, как они увидятся. Ничего не зная, маленькая Диана спала дома. Скоро десяти- и тридцатилетняя Дианы встретятся, я увижу мою любимую одновременно в двух возрастах. Боже, только бы между ними двумя появилась еще и восемнадцатилетняя!

Макс стоял, припав к деревянной ограде ресторана, густо смазанного лаком, с толстыми бочковидными балясинами. Впереди раскинулось русло Раздана, заросшее зеленью, широкое и извилистое. Сжимая перила в мокрых ладонях, он уговаривал себя поехать и встретить ее. Отсюда до аэропорта десять минут езды, Диана трезвонила без умолку, но Макс не мог решиться. За три проведенных здесь часа он выкурил пачку сигарет и осушил бутылку коньяка из бара. На вершине скалы по ту сторону русла стояли, слегка мерцая, жилые дома, среди них высилась церковь, почти нависая над обрывом. Понять, что случилось, когда он услышал ее голос, так и не удалось. Да, она плакала. Уверяла, что помнит клятвы, молила простить... Только кому она это все говорила? Плюс эта глуповатая простота. Макс слышал ее, но как будто издали. Может, Диана уверена, что ее ждет восемнадцатилетний, добрый мечтатель? Ему представилась пропасть, и они по разные стороны. Это были те же слова, что когда-то склеили их, но теперь они будто потеряли силу. Интересно, какая часть того Макса, от которого она сбежала, осталась еще в нем?

«Что, если мы не узнаем друг друга? — терзался Макс. — Двенадцать лет, и только сейчас я понимаю, что иссяк. Кого я ждал? Тридцатилетнюю женщину, прожившую двенадцать лет с убийцей? Еще и взявшую его с собой в благодарность за похищение. Все когда-то иссякает».

Телефон вновь забренчал, не умолкая целую минуту. Макс достал из бумажника письмо Дианы, испещренное морщинками, превратившееся в жалкий, поблекший комочек из прошлого. Перечитал в последний раз. Как быть? Попытаться соединить нынешнюю судьбу с прошлой, или идти дальше, навсегда стерев Диану из памяти? Оба случая невыносимы.

— Нет, нет, нет, — отрицал Макс, но как это часто бывает, пытаясь придумать причины для отказа от какого-нибудь безумия, все больше убеждаешься, что это — верно. И в скором времени та часть мозга, которая поначалу сопротивлялась, сдается. Он выпрямился, пошел по веранде крупными шагами. Письмо хрустнуло в кулаке, и полетело в урну, издав последний звук удара о пластик.

— Я ни за что с этим не соглашусь, я ни за что с этим не соглашусь. Никогда! — Он запустил руки в урну, нашел клочок, бережно сложил и сунул в бумажник. Но его согласие или несогласие больше не имели значения. Картина ясно встала перед глазами, такая же реальная, как медленно вызревающее над головой небо.

— Я не согласен с этим, — снова сказал Макс, ужасаясь слабости собственного голоса. — Я не сделаю этого, плевать, что там советует моя пьяная голова.

Макс в смятении сел в машину и понесся в аэропорт. Если осталась в них хоть малейшая частичка, которая сможет воссоздать ту Диану и того Макса, то он обязан ухватиться за нее, хотя бы ради себя.

— Я одно крыло, ты другое, а вместе мы — феникс, — твердил он, как заклинание, весь путь. — У нас все получится.

Звонки прекратились. Полчаса тщетно скитался по аэропорту, опрашивая служащих, таксистов, не видел ли кто молодую красивую женщину с чуть выдающимся подбородком, прилетевшую из Парижа, а с ней двоих встречающих. Пассажиры гремели колесами чемоданов, кричали и спешили, беспорядочно перебегая дорогу между парковкой и терминалом. Машины тормозили у выездов, взлетали багажники, водители махали руками прилетевшим. Одни бросались друг на друга, другие вертели головой с телефоном у уха. В конце концов один плотный, коренастый таксист, с приплюснутой головой и безобразной золотой цепью на шее саркастично рассмеялся и вскинул палец:

— Какие два часа назад! Какой нормальный таксист будет торчать два часа на одном месте, только чтобы дожидаться тебя! — И порицательно покачал головой, уловив летящие изо рта хмельные пары.

Манукян неся к Каскаду через сигналящий, свистящий город. Одной семисотграммовой бутылки коньяка за три часа оказалось мало. Вдруг она там? Какой бы слабой, ничтожной ни казалась надежда, он не имеет права не воздать должное этим двенадцати годам, хоть в глубине души убежден, что ни Диана его не узнает, ни он ее. Решение уже принято, но их встреча еще способна все изменить — все зависит от Дианы. Всю дорогу Макс пытался найти ответ, почему она вообще вернулась и нашла его, спустя такое время. Когда она усыпляла его, то знала, на что обрекает его. Но желание выручить брата победило. Выходит, Диана эгоистка? Нет, скорее жертва своей же любви. Ее любовь помогла Эриону Кранцу украсть ее, и сегодня Эдгар Назарян счастливо живет с его сестрой и племянником. Только вот какую роль во всем этом играет он сам, Макс Манукян? Если бы его не существовало вовсе, что-либо изменилось бы во всей этой истории? Разве он, Макс Манукян, похож на жалобно тывкающую собачку, бегущую за поездом, в котором уехал его хозяин?

— Диана, ты тварь! — проорал он, больно царапнув своим же голосом собственные нервы. Опьянение вновь подступило. Зачем она вернулась? Вернулась к брату или ко мне? Она не могла не понимать, что, спасая одного, губит второго, что бы там ни утверждала ее кипящая юная натура.

Пока мысли истерично били по всему нутру, память зашла в горьких, внезапно оживших воспоминаниях, словно требуя — вспомни-ка все еще раз, с самого детства, вдруг, что-то упущено?

Глава 1. 1 сентября 2000 года

Только они выехали из стеклянно-каменных зарослей Лос-Анджелесских кварталов, взяв курс вдоль Тихого океана, как эспланада взъерошенной зелени на холмах и полосы деревушек у берега развернулись во всю необозримую даль. Первое впечатление самое сильное, потому Макс и спустя двадцать один год чувствовал бьющий в лицо ветер с окна, ставший маслянистым после последних прибрежных деревушек, солоноватым и немного дегтярным. Что же такое этот Стенсфилд, почему сестра так его любит? И самый страшный вопрос — я буду целый год жить без родителей?

— Мама, а вы будете к нам приезжать? — спросил он.

— Конечно, милый. — Мама повернулась к сыну с улыбкой. — Мы будем приезжать к вам на выходных, забирать домой на рождество.

— Папу же отпускают домой в выходные? — уточнил он с надеждой.

— Я, конечно, повар неплохой, но не единственный мастер армянской кухни, — дополнил отец с улыбкой. — В Глендейле есть, кому заменить повара армянского рестораника, так что не бойся, сынок.

На желто-смуглой земле редкими клоками росли приземистые, вздутые рощицы. Кристальная гладь океана то скрывалась за складками земли, то простиралась до горизонта жемчужной рябью. В чистом небе лениво круглились пологи облаков. И вся эта прелесть окроплена огненно-насыщенными нежными лучами. Завороженный шумом волн и смолисто-морским запахом, он слушал Кристину, попутно поглядывая на улыбающуюся ему мать и сосредоточенного на дороге отца. Кроме одноэтажных домиков Глендейла вдоль сонных улиц, он знал лишь этот маршрут, когда они возили сюда Кристину и забирали в предыдущие два года. Тогда это была лишь унылая, долгая дорога, около четырех часов пути. Сейчас сердце поднималось к горлу с каждой минутой езды; это не начальная школа Глендейла за два квартала от дома, куда они шли с мамой каждый день, заглядывая по пути в лавку свежавыжатых соков, где он и полюбил коктейли, лимонады, соки и впервые размышлял о своей собственной лавке вкусных коктейлей.

— Отсюда направо, отдалимся от берега и поедем вон к тем холмам, потом опять на берег, — сообщила Кристина. Время от времени она задумчиво водила пальцами по подбородку и тыкала его локтем в бок в призыве взбодриться.

Они виляли меж шероховатых холмов, выходили к берегу и вновь скрывались в их ряжебордовых наплывах, ехали вдоль железной дороги, кортежем тянувшейся за ними весь путь.

Свернув с побережья, машина проехала около мили по узкой дороге мимо отлогих пригорков, усеянных забавно скрюченными кустами. Вскоре впереди выросли огромные черные ворота с тянувшимся по верху баннером: «Стенсфилд приветствует своих учеников!». Впереди расстелился огромный квадрат парковки, утыканный машинами с прощающимися родителями и детьми. Несмотря на слезы расставания у многих, таких же, как он, первокурсников, здесь царил возбуждение, сотканное из предвкушения встречи с друзьями после летних каникул. Машины подъезжали и уезжали, дети обнимались, сбивались в кучки и шли внутрь, родители махали детям, те шли до ворот, где их подхватывали учителя и старосты и вели дальше.

— Слушайся сестру, Макс. Заботься о брате, милая, — наставлял отец Вартан.

— Мы будем навещать вас по выходным, — сказав обоим в объятиях, повторила обещание Роза.

— Я за ним приглажу! — отчеканила Кристина с солдатской четкостью.

Когда родители уехали, Макс хотел было побежать за машиной с воплем «Стойте!», но Кристина цепко взяла его за предплечье и повела в ворота. Отсюда вела прямая мощеная дорожка из красно-белого выпуклого камня, по обе стороны под тенью игольчатых деревьев

стояли по три длинные скамьи с высокими ровными спинками. Завершалась дорожка круглым фонтаном напротив арочного портала главного входа, обложенного чемоданами. Студенты встречались здесь, ворковали, приглушая шелест воды.

— Подождем тут, — заявила Кристина неподалеку от одной из групп.

— Кого? — Макса чуть успокоило такое количество детей — хотя бы не чувствуешь себя заброшенным в никуда.

— Друга. Мы с Эдди всегда встречаемся у фонтана.

Школа состояла из двух корпусов, соединенных переходом с переливающимися водорослевым цветом стеклами. Строгий модернизм главного корпуса, с белым фасадом и прямыми линиями крупных окон, словно заявлял: «Никаких излишеств, только учеба!».

— Здесь зал развлечений, кабинеты преподавателей и работников, столовая, библиотека, секции и служебные помещения, — рассказывала Кристина. Позади него размашистым полумесяцем раскинулся учебный корпус. Такой же учено-чинный, он будто обнимал просторную лужайку позади себя, излюбленное место дискотек и отдыха на траве.

— Нравится? — спросила Кристина. По кампусу росли причудливо-вывернутые деревья и кусты, поодаль от школы блестел хрустальной гладью овал озера, заросший могучими деревьями и широкими листьями. Слева от школы, у ограждения на краю кампуса выглядывали трибуны футбольного стадиона. Но сильнее всего пленял аромат. Едва уловимый, тянущийся от клумб липковато-карамельный, смешанный с морским, тягучим запахом водорослей.

— Мы как будто на краю света, — смущенно ответил Макс. Голос его утонул в полотно всеобщего гомона, на котором лоснящимися пятнами выделялись настойчивые призывы преподавателей идти внутрь. Пока в его мыслях сумбурно кружились вопросы вроде «Как здесь моют одежду? Есть ли парикмахерская?», Кристина воскликнула:

— Привет, разбойник!

К ним подошел смуглолицый мальчик. Черные вихры волос густо вились вбок, блеск шурящихся от солнца глаз из-под выдвинутых бровей был столь ярок, словно тушил собой солнечный свет. Он обнял Кристину и сказал надтреснутым, густо-дребезжащим голосом:

— Я искал тебя там у портала. Долго ждала?

— Пару минут. Знакомься — Макс, мой брат-первокурсник. Макс, это Эдди Назарян, мой одноклассник, армянин и лучший друг.

Взгляд Назаряна оценивающе пробежал по Макс. Он протянул руку, глядя на новичка чуть высокомерно. Ладонь его, широкая, под стать дюжим плечам, с толстыми пальцами, сомкнула руку Макса в каменном, болезненном рукопожатии.

— Вижу, — кивнул Эдди Назарян. — Новенького всегда можно узнать по лицу. — Неожиданно теплая улыбка Назаряна испугала Макса; показалось, что если он не выкажет ту же сердечность, то Эдди разозлится. — Как тебе у нас?

— Очень далеко, — отшутился Макс.

— Все лучшее достигается с трудом.

— Где твоя сестра, Макиавелли? — одернула Кристина.

Эдди обернулся, глядя куда-то вокруг буйной толпы.

— Ждет на скамейке, не хочу заводить в сутолоку. Вон она. Идем!

Троица вышла из толпы, и тут к ним подбежала девочка с длинными волосами, падающими на плечи ровной линией. Их буро-каштановый оттенок удивительно подходил к коже цвета заварного крема, тонкой настолько, что под шеей бледнела ветка вены. На губах играла какая-то косая улыбка наполовину — один уголок рта слегка возвышался над вторым, придавая мазок высокомерия. Тенниска в красно-синюю полоску с вырезом, открывающим острые ключицы, и джинсовая юбка поверх белых чулок.

— Знакомьтесь — моя сестра Диана. Кристина Манукян, моя одноклассница, и Макс, ее брат. Макс, ты тоже в экономике и бизнесе?

Несколько секунд Диана бесцеремонно разглядывала обоих, затем вновь улыбнулась — так же, лукаво приподняв один уголок рта — и сказала:

— Какое счастье, что мы не одни здесь армяне.

— Видишь, тут совсем не страшно, — сказал Эдди, тряся сестру за плечи. — Моя трусиха боялась, что станет как те пять северян из «Таинственного острова».

— Не моя вина, что здесь сначала хотели построить тюрьму, — бросила Диана с язвительной гримаской. — И да, ты невероятно начитан, братец.

Макс сам не понимал, что все время неотрывно следит за ней. Плавный изгиб плотных бровей, густые ресницы окаймляли большие, почти черные глаза глубокого ночного неба. Небольшие, но полные губы, под строгой чертой носа чуть вывернутая верхняя губа; угловатый подбородок, выпирающий чуть больше нормы. Длинная шея двигалась быстро, как все ее тоненькое тело. Она приковывала внимание одной своей белизной в жаркой Калифорнии. Любопытно осматривающие глаза двигались быстро, но смотрели пронзительно и долго. Он силился отвести взгляд, боясь выдать смятение, не мог, сильнее волновался и в результате бесцельно уставился в горизонт, украдкой разглядывая ее, подобно мелкому воришке, успешно укравшему жвачку и решившему продолжить испытывать удачу.

— Идем в зал, а то все займут, — скомандовал Эдди. Громкая река студентов вилась от фонтана до главного портала. Компания вошла в медленно идущий поток. Зажатые со всех сторон, от подобных им первокурсников до басающих статных мужчин и задорно щебечущих молодых женщин. Эдди и Диана впереди, Макс с Кристиной за ними. «Я выдал себя, я вел себя совсем не круто», стыдливо думал Макс. Парни из «MTV» не гонятся за девчонками, те сами липнут к ним, а я смотрел как последний сопляк. Навострив уши, он ловил каждое слово Дианы. Этот высокий, резкий голос, как свист звонкой сабли, бесподобен. Как ее вывернутая верхняя губа, как хитроватая улыбка в один уголок рта, выдающийся подбородок — я влюбился, она просто чудесная! Несколько ступенек к площадке перед входной аркой, взгляд Макса уткнулся в широкую спину Эдди — тот вел сестру за руку, выставив вторую руку вокруг нее от случайных толчков посторонних. Вот это настоящий парень из клипов, сильный и крутой, это видно по одной его манере речи. Хрипловатый голос, быстрые и короткие фразы, как удары каратеиста. Голос Доктора Дре со скоростью Эминема.

— Ты чего скис? — Кристина ткнула его в бок.

— Не знаю. Наверное, буду скучать по родителям.

— Я думала так же в первый год. Но здесь столько всего, что скучать будет некогда. Оглянись! Мы одни посреди гор! Свежий воздух, океан, куча сообществ по интересам, спортивные секции, делай, что хочешь. После уроков, конечно.

Голос сестры уплывал мимо. Им завладели новые тревожные думы. Эта девочка, несомненно, станет первой красавицей курса. А что он? Впервые в жизни Макс решил оценить себя. Ростом как большинство сверстников, не спортивный, как Эдди, но тоже плечистый, крупные нос и губы, ровная линия бровей. Интересно, я красивый? Было ли во взгляде Дианы что-то, кроме воспитанности? Конечно, нет. Заметил ли кто-то, как я смотрел на нее? Конечно, да. И в первую очередь она сама. Несколько раз Диана перехватывала его взгляд, отчего приходилось лихорадочно отводить глаза.

— Он тебе нравится? — спросил Макс, привалившись к уху Кристины, и указал на Эдди.

— Да. Он классный, его боятся даже старшекурсники. У него куча друзей в Комптоне и он часто грозит привести их сюда на разборки.

Кто-то больно сдвинул ему ступню. Макс возмущенно порыскал глазами, но в плотной идущей массе виновник не нашелся.

— А кто их родители?

— Мама — садовник в школе, где они учились, отец звукорежиссер в музыкальной студии, что-то вроде «Зеро пойнт» или как-то так.

— Странная работа у обоих.

— А повар в ресторанчике — сама солидность, — иронично ответила сестра. — В-первых, их мать работает, в отличие от нашей, во-вторых, Армен не схватился за что попало, а выбрал такую, которая связывает его со своей профессией. В Ереване он тоже был звукорежиссером, в Опере.

— В Опере? Всей Оперы? — Им охватило благоговение к этому человеку.

— И я знаю о его мечте вернуться обратно.

Наконец они прошли портал и оказались в светлом вестибюле. Внутреннее убранство держалось той же строгости, что и фасад. Белые прямые стены, потолок испещрен тремя рядами круглых светильников, утопленных в потолок. Посредине вестибюля расположилась широкая лестница с блестящими перилами и ступенями с обрезиненным покрытием. Макс поднял голову — толстая каменная балюстрада ограждала первый этаж, стоящий на бело-снежных колоннах, у которых раздавали какие-то буклеты и журналы, старосты размахивали руками, выкрикивая названия своих групп. Вокруг незнакомцы — или такие же новые, как он, или ловкие старшекурсники. Он почувствовал себя, как забытый родителями в громадном музее мальчик. Успокаивала теплая рука Кристины, единственный огонек уюта в этом незнакомом, таинственном океане. Макс бессознательно сжал ее крепче, не сводя глаз с Дианы. Спокойствие, с которым она шла, удивляли и поразительно сходились с ее красотой. С каждым ее шагом мимо визжащих компаний их голоса стихали, за ней тянулся шлейф украдкой провожающих взглядов.

— Справа библиотека, слева столовая, — познакомила Кристина.

— Самое вкусное место в школе, — добавил, обернувшись, Назарян и засиял приветливой улыбкой. Диана тоже повернулась.

— Как насчет больницы, прачечной? Можно ли здесь гладить одежду? Как быть, если мне вдруг захочется фруктов, конфет, почитать журнал? В конце концов, у нас есть телевизор? — сыпала она вопросами.

— Да, моя нетерпеливая обезьянка, у нас есть все, — коротко отвечал Эдди. Они прошли лестницу, и перед взором открылись тяжелые деревянные двери в глубине вестибюля, куда и впадала студенческая река. Под лестницей открылось целое поле из чемоданов, их оставляли здесь на время церемонии приветствия. Компания тоже оставила свои здесь и продолжила путь.

— Мы у зала развлечений, — пояснила Кристина. — Здесь проходят концерты, балы, есть настоящий кинотеатр. Кстати! — она дернула Эдди за плечо, тот быстро обернулся.

— Когда будут показывать «Гладиатор»?

— Седьмого, в четверг, — ответил он быстро, словно готовился к вопросу и засмеялся. — Я сейчас говорил Диане то же самое! Представляете, в саундтреке играет настоящий дудук. Вот это фурор, Рассел Кроу — наш брат!

— Возьми его себе в банду, — усмехнулась Диана, скользнув по Максy взглядом.

Зал развлечений, амфитеатр в темно-коричневых тонах, почти заполнился. Между тянущихся на всю стену окон высились, теряясь у потолка, могучие колонны. Деревянные вставки-линии на стенах с еле заметными карнизами, замшевые кресла по окружности зала, колонки по углам и обложенная аппаратурой сцена. Студенты рассаживались, первокурсники удивленно смотрели на висящие под потолком флаги Стенсфилда — две вертикальные черные полосы по краям, в центре на оранжевом фоне герб школы — два орла, держащих с двух сторон щит с пятью эмблемами институтов.

— А какая наша эмблема? — спросил Макс.

— Чемодан на фоне растущей диаграммы и стрелки вверх. Из нас получают деловые люди.

Эдди прыгнул в свободное кресло и позвал остальных. Макс сел с краю рядом с сестрой. Гул мешал прислушиваться к Диане, хотелось заорать: «Замолчите все, не мешайте слушать красотку!». Макс кинул взволнованный взгляд к выходу.

— Не опасно бросить там чемоданы? — Кристина посмотрела на него с упреком.

— Твое барахлишко в безопасности. И вообще, ты слишком напряжен, братец. Слушайся меня, и тебе не о чем будет волноваться.

Вскоре на сцену вышел пожилой мужчина, разом взорвав зал аплодисментами. Полный, коренастый, в больших круглых очках, с проплешиной на всю макушку, шел к стойке с микрофоном в центре сцены мелкими шагами. Его толстый, в три складки, подбородок трясся при ходьбе.

— Эдвард Харрисон, директор, — пояснила Кристина.

Эдвард Харрисон остановился у микрофона и дождался, пока аплодисменты стихнут.

— Вот вы снова дома, друзья! — торжественно произнес он неожиданно сильным голосом. — С большой радостью приветствую первокурсников, присоединившихся в этом году к нашей большой семье. Несколько слов о нашей школе. Заранее прошу прощения у остальных, что отбираю ваше время, ведь вы, верно, уже рветесь на дискотеку. — Волна хохота прокатилась по залу. — Стенсфилд является уникальной школой, где под одной крышей проводится обучение программ среднего образования и бакалавриата. Шесть лет вы будете проходить школьную программу, после чего сдадите экзамены и поступите на бакалавриат. В эти шесть лет набор предметов различается в зависимости от выбранного вами института, поэтому наиболее вероятным решением является поступление в бакалавриат вашего института. Однако это вовсе не значит, что вы не можете поступить в другой институт. Все зависит от количества мест и вашей средней оценки. Учеба сложна — наши выпускники поступают в магистратуру лучших университетов страны. Обслуживающий персонал всегда готов помочь вам во всем необходимом. Единственной заботой должна быть учеба. Ваши однокашники подробно познакомят вас, как устроена школа. Также Стенсфилд предлагает большой выбор внеклассных секций — футбол, единоборства, фигурное катание, живопись, танцы. Вы должны быть здоровы, крепки телом и умом, учиться и развиваться. У нас есть традиция сообществ по интересам. Собирайтесь, общайтесь, заводите друзей и делитесь знаниями. — Директор взял паузу, прокашлялся. — Напоследок позвольте поделиться небольшим откровением. — Он вновь помолчал, обвел исподлбья публику медленным взглядом, тяжелые очки съехали к носу. — Каждый новый учебный год я провожу такую беседу с учениками. Вижу рост, обогащающиеся знаниями, сияющие все больше умом глаза, наблюдаю за нашими воспитанниками. Казалось бы, мог привыкнуть, но нет. Этот рост доставляет мне несказанную радость. Блаженны те, чья работа добродетельна и видна. И сегодня передо мной новое поколение, ступившее в наши стены. Прошу вас, друзья, не доставляйте горя старику — пусть не меркнет в ваших глазах светоч знаний, чтобы каждый следующий год, что мне суждено встречать новичков, я видел его в вас и радовался вашим успехам. — Зал погрузился в трепетное молчание, никто не смел разорвать благородную ткань его речи, так метко слившейся с идущим от стен древесным запахом. — Мы с вами строим фундамент, на котором возводим будущее страны. Оно в ваших руках. Наш штат — самый богатый в стране, мы на первом месте по валовому продукту среди всех штатов. Удастся ли нам удержать позиции — зависит в немалой степени от вас. Это огромная ответственность и сложнейшая задача. И наша цель — обеспечить вас главным оружием победы в этой борьбе. Знаниями. Решительностью. Талантом. Но довольно лирических словечек! Давайте вместе споем гимн нашей страны!

Получилось волнующе: зал спел как один. В конце директор наклонил голову в знак признания и завершил, не открывая ладонь от груди:

— Желаю новым членам нашей большой семьи твердо встать на путь реализации вашего призвания! Добро пожаловать!

Под оглушительные аплодисменты внушительного зала Эдвард Харрисон покинул сцену, и тут же поднялась оживленная трель. Старшекурсники звали младших к выходу, и принялись сопровождать их к общежитиям. Макс и компания медленно шли к скоплению у дверей.

— Ты говорила, что в Стенсфилде учится пять тысяч человек, — сказал Макс.

— Да, — кивнула Кристина, шагая вполоборота.

— Здесь сейчас было столько?

— Не все идут на приветственную речь, — пояснила сестра. — Многие старшекурсники слушали эту речь много раз и уступают места новичкам.

Поднялся гвалт; старосты и преподаватели собирали новичков у выходов, вели за собой к выходу. Длинные вереницы из сотен студентов стекали в вестибюль и разливались озерами. Макс с сестрой шли впереди Назарянов. Эдди время от времени что-то говорил Кристине, та оборачивалась, отвечала. Они смеялись, перекрикивались, обсуждали кого-то. Взгляд же Макса сам собой лип к Диане. Непонятный скрежет размочаливал все внутри. Капля соленого пота скатилась с верхней губы в приоткрытый рот. Я выгляжу, как последний болван. Тут Эдди нагнал их, закинул одну руку на плечи Кристины, другую — Дианы, и троица пошла вразвалку, напевая строки гимна:

«Скажи, тот звездный стяг реет еще,
Над страной храбрецов и свободной землей?».

Это его девочки, а я так, завистливо подумал Макс, когда, обгоняя его, Эдди ненароком задел его рукой. Затем вспыхнула злость к Кристине. Как она может так явно подчиниться парню! Они вышли к фонтану, направились по дорожке в тянувшейся почти до общежитий змейке учеников. Младшекурсники шли задумчиво, озирались по сторонам. Взгляд Макса скользнул по металлически-блестящей глади озера, на которой хаотичным вальсом двигались тени от листьев, создавая мелко бегущие отсветы. В паре сотен ярдов от поляны учебного корпуса пять десятиэтажных общежитий, примыкая друг к другу с небольшим зазором, образовали внушительный внутренний двор. На поле у учебного корпуса работники ставили исполинские, ростом с Макса, колонки, у диджейского стола сгущалась вереница проводов, выходящих в ослепительно зеленой траве. Из-за учебного корпуса показался во всю ширь, ставший вполоборота, стадион — два блока трибун, коротких и высоких, по контуру обнесенных черно-оранжевым ограждением. Прозрачная крыша стояла на арочном каркасе, обе трибуны горели огненно-оранжевыми тонами. Чуть в стороне, между стадионом и лесной чащей, располагался серый приземистый овал ледовой арены. Никак не удавалось толком оглядеть кампус, глаза и уши упорно лънули к подтрунивающей над братом Диане:

— Попрошу ди-джея включить «Брэйв Комбо» специально для тебя. Ну? — И комично заплясала, подпевая:

«Лаура, послушай меня, ты не слушаешь совсем,
Ты должна знать, что моя любовь не ложь».

— Не танцевал ни разу и не собираюсь, — отрезал брат. Диана вошла во вкус.

— О, мой брат настоящий гангстер, не смотрит фильмы и не танцует, он сразу бьет в табло!

Смущенный, Эдди подхватил ее на руки, уговаривая:

— Остынь. Идем в твою спальню, ты должна отдохнуть.

— Ты и иди, если устал. А я не гангстер, я иду танцевать, — заявила Диана, выбившись из его объятий.

— Ты здесь, чтобы учиться, а не танцевать! — бросил Эдди. — Завтра уроки. Плохи твои дела, если в голове одни танцы.

— Без паники, — стояла на своем Диана. — Учиться буду точно лучше тебя. Не сомневайся.

Четверка вошла во внутренний двор. Кристина указала на здание с противоположной стороны, ближе к ним из двух. Над входом в каждое общежитие висели огромные прямоугольные фасадные щиты с названием института. По мере заполнения студентами раздольного внутреннего двора величавое умиротворение постепенно сменялось оживлением. В центре его, отделанного бугристым мощным променадом, ступая по которым выгибалась стопа, стояла овальная клумба-сад. Разлитая широко наливная пахучесть цветов смешивалась океанским ветром с соленой резковатостью обожженной гальки. Диана поравнялась с ним, на лице насмешливо-коварная ухмылка, волосы стлались по ветру, иссиня-черные глаза смотрели вокруг с интересом, двигались оживленно и внимательно.

— Брат строг с тобой? — выдавил Макс. От смущения кровь забила по лицу.

— Пустяки, — отмахнулась Диана. — У нас всегда так. Просто мы очень любим друг друга.

Слова забили пересохшее горло. Около входа в общежитие института экономики и бизнеса расхаживал невысокий сухощавый человек в темно-бордовом кардигане поверх белой рубашки и гладких брюках с прямыми стрелками. Живой взгляд радушно встречал студентов, мужчина бодро махал рукой, что-то говорил обступившим его ученикам, смеялся, жестами приглашал внутрь. Заметив приближавшийся квартет, он размашисто позвал их к себе.

— Мистер Барский! — воскликнули Эдди с Кристиной и поочередно прыгнули в его объятия.

— Мистер Вэл Барский, наш декан, — представил Эдди.

— Лучший декан в мире, — подчеркнула Кристина.

Светящийся добродушием взгляд Барского скользнул по первокурсникам. Лицо его, свежее, еще не тронутое морщинами, выражало искренний интерес к своим новым подопечным.

— Жду вас в семь в фойе для небольшого инструктажа.

Четверка вошла в заставленное у стен столами просторное помещение, по центру лестница, стены тепло-лазурного тона как напоминание о близости океана и такой же необъятности, как он, знаний. Низкое солнце разбрызгивало по фойе предвечерние лучи. Так же, как и в главном корпусе, щедро пускающие свет панорамные окна, крупинки пыли висели в воздухе прозрачной пеленой, переливаясь на свету и образуя колонны, косо вбитые в окна и испаряющиеся на полу. На стенах по углам телевизоры, столиками и диваны повсюду. По противоположной от входа стене открытые шкафы с настольными играми. Перед лестницей раздувалась толпа первокурсников, ведомых старостами и учителями. Те, кто решил не ждать лифтов, поднимались по лестнице, пытая под тяжестью чемоданов. Эдди и Кристина привели младших к толпе.

— Малыши, здесь мы с Кристиной ненадолго оставим вас, — объявил Эдди. — Займем наши комнаты.

— А моя комната где? — капризно спросила Диана, раздув губу в знак негодования, что брат не потрудился сказать ей об этом раньше.

— Дай хоть скажу, мой бесенок. Сейчас речь декана, потом подниметесь на первый этаж, мы встретим вас у лестницы, если не успеем спуститься. — Кристина чмокнула Макса и подмигнула Диане. Вид брата, моливший не оставлять их вдвоем, понят не был. Диана тут же заполнила возникшее молчание:

— Не могу поверить, что здесь может быть все, что нужно. А если захотелось, например, «Зеро бар»? Есть минимаркет, или нужно топать в Лос-Анджелес?

— Кристина сказала, что недалеко отсюда есть город Ломпок. — Он улыбнулся, стянутый изнутри стеснением.

— И можно сгонять за конфетой туда, — засмеялась Диана.

— Простите, мистер и мисс...

Макс и Диана обернулись. Перед ними стоял худощавый мальчик с угольно-черными волосами, падавшими на лоб косой челкой. Взгляд его изучающе блуждал по ним.

— Я Макс Манукян, она — Диана Назарян. А ты?

— Джефф Кастелано, — представился поджарый мальчик. — Услышал, как вы собрались в Лос-Анджелес за «Зеро баром», и решил помочь. Левее по коридору от зала развлечений есть магазин.

— Спасибо, теперь не так сильно хочется бежать отсюда, — ответила Диана, и все трое засмеялись.

— Я общался со старшими. Здесь есть все, — заверил Джефф Кастелано. — Кстати, вы уже познакомились с нашим русским деканом?

— Вэл Барский — русский? — Макс и Диана радостно переглянулись. Оба знали русских как чрезвычайно одаренных и дружных с армянами. И в этой громаде покрытой мраком неизвестности школы русский декан — то же, что встреча друга в ночной чаше.

Диана улыбнулась своей ленивой полуулыбкой. Затем перевела взгляд куда-то к выходу, помолчала, коротко бросила: — я сейчас, — и нырнула в студенческое море. В подвижную щель меж рядов учеников показался Вэл Барский. С его приближением к лестнице ряды сгустились; все спешили занять клочок места, откуда видно декана.

Медленно протискиваясь, расталкивая всех и извиняясь, Диана вернулась, ведя за руку девочку.

— Знакомьтесь, Марисела Гонсалес Солер, — представила она ее, смуглую, худенькую, бледную от волнения. Волосы цвета черной ночи волнистыми шлейфами ложились на уши и шею, горевшие пятнами. Она будто хотела броситься наутек.

— Просто Мари, — проронила девочка.

— Откуда ты? — спросил Джефф, пропуская ее к себе.

— Из Венесуэлы.

— Это Макс Манукян и Джефф Кастелано. — Диана цепко держала Мари за руку, моргнув парням на их немой вопрос «это кто?».

Четверка приготовилась слушать декана.

— Добрый вечер, дорогие! — Шум стих мгновенно, все взоры обратились к говорившему. Голос Вэла Барского противоречил интеллигентному лицу — твердый и басистый, скорее военный.

— С некоторыми мы уже познакомились, а с кем нет — я Вэл Барский, декан института экономики и бизнеса. Поздравляю вас с поступлением в одно из лучших учебных заведений страны, школу, представляющую собой маленькое царство, где есть все условия для полноценной жизни. Перед вами десять незабываемых лет. Студенческая жизнь Стенсфилда охватит вас с первых дней. Издавна у учеников заведено объединяться в сообщества. Вы можете вступить в любое, или создать свое, собрав единомышленников. До третьего курса старосты старших курсов будут помогать вам в бытовых вопросах, но после вы станете самостоятельными. Принцип расселения по этажам прост: на каком курсе вы учитесь, на том и живете. Все спальни двухместные. Во избежание путаницы преподаватели помогут вам разместиться. В подвале общежития есть кафе с выпечкой и сладким. Ужин заканчивается в половину восьмого, но для первого дня мы делаем исключение и продлеваем работу столовой до восьми. Посмотрите туда, — он указал на информационный стенд справа от себя, пестрящий голубыми, белыми и лиловыми маркерами. — Здесь списки групп вашего курса и расписание занятий. Мой кабинет на первом этаже главного корпуса, номер сто тринадцать. От станции Юнион сюда и обратно едут регулярные школьные автобусы, вы могли их на парковке. Автобусы всегда стоят здесь и на станции, и готовы обслужить наших воспитанников. — Барский выдержал паузу; взгляд его принял строгое, будто категоричное выражение. Но быстро смягчился и

вновь обрел доброжелательность. — Итак, дорогие мои, поднимайтесь на первый этаж, занимайте комнаты, затем изучите списки групп и расписание, и до отбоя вам предоставлена полная свобода. Старосты, преподаватели и штатный персонал разъяснят вам все аспекты бытовой жизни. Вопросы?

— Как записаться на внеклассные секции? — выпалил Джефф.

— Начиная с завтрашнего дня и когда угодно. На нулевом этаже главного корпуса, возле зала приемов находится клуб «Спортивная лига Стенсфилда». Там вы выберете подходящий вам вид спорта и узнаете все относящееся к тренировкам. Дополнительные секции находятся на третьем этаже. Любую интересующую информацию можно найти здесь на стенде.

— И про сообщества тоже? — спросил Джефф.

— Непременно, — с улыбкой кивнул декан. — Еще вопросы? Нет? В таком случае я прощаюсь с вами до завтра. В добрый путь!

С этими словами декан быстро направился к выходу, подмигивая и похлопывая по плечам своих питомцев. Вмиг поднялась сумятица; лестница наполнилась медленно двигавшимся, раскачивавшимся под тяжестью чемоданов потоком. У лифтов выросла очередь не желающих идти пешком, потому Макс и компания направились сразу к лестнице.

В узком коридоре первого этажа, выложенного мягким ковром насыщенно-земельного цвета, их встретили Эдди с Кристиной и пустились с ними на поиски комнаты. По мере исчезновения в комнатах пар жильцов толчея плавно растворялась. В конце концов Макс и Джефф нашли спальню в самом конце коридора, рядом с высоким витражом. Комната состояла из крохотной прихожей, по правую сторону от нее находилась ванная, ведущая в спальни — две кровати вдоль стен с узким проходом посередине, между ними под окном тумба шириной с проход. Ближе к двери, примкнув к кроватям, стояли два письменных стола со своей настенной полкой каждый. У самой двери два гардероба замыкали незамысловатый мебельный ряд. Кристина заметила недавнее брата нетерпение и подмигнула:

— Беги, я разложу твои вещи.

— Я с тобой! — крикнул вдогонку Джефф и пустился за другом, думая, будто они идут бродить по школе. Макс же снова по коридору, заглядывая в проемы дверей в поисках Дианы. Вот она! В спальне в центре коридора, оживленно орудуют с братом и Мари над чемоданами. Эдди размещал стопки одежды в шкаф.

— Зачем нужен гардероб, если в Санта-Барбаре не бывает холодно? — спросил Джефф не без апломба, ожидая похвалу его внимательности.

— Для парадного костюма, — ответил не глядя Эдди. Диана подняла голову и, улыбнувшись, вышла в коридор. В это же время из правой от них комнаты появилась белокурая девочка, задумчиво оглядывавшаяся по сторонам. Троица оказалась ближе всех к ней, и она подошла к ним, скользнув по каждому быстрым взглядом.

— Кто-нибудь знает, как увидиться со своей группой?

Первым с ответом стал Джефф:

— Нужно чуть внимательнее прочитать голубой листок на стенде, мисс...

— Эмма Даррен. И давай без дерзости, мистер...

— Джефф Кастеллано.

— Я читала голубой листок. А познакомиться с группой хотела сегодня.

Их натянутая беседа привлекла Эдди. Выйдя из спальни, он с интересом оглядел девочку, буравящую Джеффа со строгостью учителя, разгневанного на ученика-шалопута.

— Мисс Эмма Даррен? Утром, на вводной лекции.

При виде старшего белокурая девочка подавила возмущение, на почти прозрачных от бледности, тонких щеках загорелся румянец почти как у напуганной Мари. Нет, этот парень очень крут, думал Макс. Тот, на кого смотрят девчонки.

— Спасибо за помощь, а с кем я разговариваю?

— Эдди Назарян, третьекурсник. В школе есть правило не волновать малышей в первый день. На улице за учебным корпусом пройдет дискотека, советую вам расслабиться. Кроме тебя, — он наставил палец на Диану.

— Правда? — съязвила, вскинув брови, сестра. — Я ненадолго, все равно обещала Мари не оставлять ее одну больше часа.

— Смущенная венесуэльская сеньорита не пойдет? — спросил Джефф.

— Нет. Она пока еще боится всего, что видит. Поэтому я должна вернуться не поздно и побыть с ней. В конце концов, конечно, я за ней присмотрю, но привыкать нужно постепенно.

— В таком случае идем! Эмма, ты с нами? — живо предложил Макс, обрадованный шансу побыть с новой знакомой. Всего два часа знакомства с Эдди, а тот уже стал столь сильным образцом настоящего сильного парня, что эта сила стала передаваться Макс и ослабила, наконец, путы стесненности. Тот самый парень-рэпер из клипов, Айс Кьюб вышел из экрана. Улыбка его была одновременно тепла и холодна: «Парень, я тобой дружу, но попробуй только выкинуть глупость, замочу без раздумий». И Макс стал подражать ему.

— Нет, спасибо. Если вечер свободен, то я пойду в библиотеку.

Диана вошла в комнату, сказала несколько слов Мари и вернулась с видом исполненного долга. Со скрежетом, но Эдди смирился и обещал скоро присоединиться к Кристиной.

Ночь упала быстро, черное небо замерцало бесчисленными мотыльками звезд. В отяжелевшем от сырости воздухе гуляли запахи древесных листьев и проникших вглубь с океана терпких водорослей. Лужайка под полукругом учебного корпуса уже скакала под разливающейся на всю округу «Упс, я сделала это снова» Бритни Спирс. Пританцовывая, Диана так резво влилась в пестрящий хаос пляшущих, что Макс на миг потерял ее. Он старался не упускать ее из виду, пытался перенять ее беспечность, неясно откуда взявшуюся в столь юной девочке силу. Как просто она пошла с ним, незнакомцем, на дискотеку. Захлестнутый восхищением от легкости, гибкости ее движений, он боялся сказать ей слово и вместе с тем мечтал быть как Эдди. Ей хотелось танцевать, и вот она танцует, и ничто ей не помеха. Эта поразительная простота запирала Макса в клетку, щемила и вместе с тем призывала следовать ей.

Джефф Кастелано урывками мелькал перед ним и исчезал в толпе. При виде его неуклюжих прыжков, смешных взмахах и выбрасываниях ног Макс и Диана не сдержались и захохотали.

— Мне здесь нравится! — прокричал Макс. — У меня мечта о своей коктейльной, а теперь еще дискотеке! Как тут весело!

— Наш новый друг скачет как тот рыжий из «Скуби ду» — с придыханием сказала Диана, едва ли расслышав что-то. — Как думаешь, он итальянец?

— Фамилия, наверное, итальянская.

— Еще и на Челентано похож.

Затянутый в веселящийся шквал танцев и музыки, непрерывно кого-то задевая и ненароком толкая, с каждой минутой им все сильнее овладевала раскованность. Поначалу морща нос от боли, когда кто-то давил ему ноги, он вскоре перестал их чувствовать. При каждом взгляде на Диану, ее воздушные, легкие движения, словно подхваченные танцующим под музыку ветром, от кончиков пальцев бежало мучительное, щекочущее все тело чувство. Откуда ему было знать, что это — первые отзвуки зарождающейся любви, ее зачаток. И когда, выйдя из пляшущего роя, она объявила, что ей пора бежать к Мари, все веселье и музыка разом померкли, когда ее невесомо летящий силуэт исчез в ночи.

Покой мирного сна разорвал резкий возглас:

— Просыпайся, скорее! Ты завтрак проспий! Давай, уже восемь часов!

Второй день в Стенсфилде начался с мечущегося по комнате, беспорядочно бросавшего в рюкзак тетради и книги Джеффа.

— Урок через полчаса, а нам еще завтракать! — звонко верещал друг.

Крупинки пыли висели в воздухе плотным туманом, переливаясь на свету и образуя колонны жаркого света, косо вбитые в окна и разбивающиеся на полу. Не бесстыже льющееся в окно ослепительными лучами солнце и не риск опоздать на первый же урок встряхнули Макса ото сна, а пронзившая первая мысль о Диане. Желание увидеть ее стало насущной потребностью. Пока Джефф запирает дверь, он ринулся к желанной комнате, постучался, осторожно нажал на ручку. Заперто. Значит, нужно мчаться на ее поиски в столовую.

С тяжелыми рюкзаками на плечах друзья рванули к главному корпусу — высокое солнце предвещало жару, вычистив небо до ослепительно-бирюзового блеска. Оба шагали столь пылко, словно хотели вдавить брусчатку в землю. Встречающиеся им по пути студенты провожали спешащих кто насмешливым, кто понимающим взглядом. Мимо проплыл гигантский полуовал учебного корпуса с убранной после вчерашней дискотеки лужайкой, за ним вырос главный корпус, с белым, сверкающим цинковым отливом фасадом, и наконец, вбежав в портал и пробежав рядом с залом развлечений, они вошли в столовую, полную звона посуды и бесед. По левой стороне тянулась стойка с блюдами; все пространство занимали столы. Широкий витраж по центру стены пускал всю яркость лета.

Диана, Эмма и Мари завтракали за круглым столом у витража.

— Идите к нам! — вытянув руку, позвала Диана. Эмма любезно улыбнулась знакомым, Мари застенчиво повторила жест Дианы. Я совсем как Мари, понял Макс. Она подражает Диане, я — Эдди.

— Бегите за едой, быстро! — распорядилась Диана, чем они и занялись, бросив рюкзаки под стол.

— Вы хоть узнали, в какой группе? — спросила Эмма, только они сели с подносами.

— Нет, профессор, весь вечер промотались на дискотеке, — съехидничал Джефф. — Сейчас пойдем и узнаем, нам остался один барьер в виде этих хот-догов.

— Не напрягайтесь, я узнала. Вы со мной и Дианой.

— Все ты знаешь, — поддразнил Джефф. — Откуда она все знает?

— Потому, что должна стать нашей старостой, — отчеканила Диана, повернулась к Мари. — Жаль, ты не с нами.

— Да, — пискнула Мари.

Джефф решил взломать ее замкнутость своей прямоотой.

— Почему ты такая запуганная? Ты что, боишься нас?

— Джефф! — нахмурилась Диана и приобняла раскрасневшуюся Мари. — Родители Мари умерли в девяносто пятом во время нападения на их дом в Венесуэле, с пяти лет она жила с дядей в Сан-Хуане. Дядя не жалеет денег и сил, чтобы она училась здесь. И вот Мари с нами. В отличие от нас, у нее нет родителей, так что не смейте обижать мою подругу. — Тут она остановила каменный взор на Джеффе. — Особенно ты, мистер Челентано.

Кастелано зарделся, лицо вспыхнуло пунцовым окрасом.

— Ты чего так взъелась? Я же шучу! И моя фамилия Кастелано!

— Видишь, Мари? Он шутит, так что прости его, и давайте обсудим, кто в какую секцию пойдет. Я решила — фигурное катание.

— Мы на футбол, — сказал Джефф. — Да, Макс?

Манукян безмолвно поднял большой палец, проглатывая сосиску.

— Я пока не решила, — задумчиво протянула Даррен. — Сначала уроки. Но кстати, вчера мне все так понравилось, что у меня появилась мечта; хочу быть деканом нашего института.

— Куда предпочтет записаться многоуважаемая сеньорита Марисела Гонсалес? — с лакейским почетом произнес Джефф.

— Кастелано, еще слово, и я... — взбушевалась было Диана, но Джефф осек ее:

— Диана, мы просто шутим! Не надо стрелять в меня каждый раз! Мари, прости, если я тебя обидел, просто я такой!

Громогласный окрик за их спинами прервал спор:

— Малыши, в вашем возрасте я в это время уже сидел за партой!

Эдди Назарян в сопровождении Кристины и одного мальчика подошел к столу, строго оглядев друзей.

— Все живы? Руки, ноги не потеряли на дискотеке? Знакомьтесь, дети мои. Роберт Уилсон, мой лучший друг. — Несмотря на худощавость, Роберт Уилсон выглядел несколько устрашающе. Ростом с Эдди; глубоко посаженные глаза, приоткрывшиеся под козырьками век, оценивающе смотрели на первокурсников. На смуглом лице читалась некая отстраненность. Беспорядочно разбросанные белокрысы волосы вкупе с подозрительным взглядом придавали ему несколько дикий вид.

— Это Диана, моя сестра, и Макс, брат Кристины. — Роберт быстро кивнул. — Приятно со всеми познакомиться. — Говорил он медленно, будто тщательно думал над каждым словом.

— Роберт — философ будущего. Он думает о вас немного иначе, чем вы о себе, поэтому будьте с ним вежливы.

— Он просто восхищается мной, и правильно делает, — лениво протянул Роберт. — Забыл сказать о моей скромности, дядя.

— Как спалось в первую ночь? — сменила тему Кристина.

— Превосходно! — улыбнулась Диана, допив чай.

— Какой первый урок?

— Сейчас вводная лекция с физматовцами, — ответила Эмма.

— С физматовцами? — переспросил Эдди и повернулся к Роберту.

— Брат Кранца поступил на физмат, — сказал Роберт тихо, будто подтверждая его догадку. Эдди сел на свободный стул.

— Слушайте меня, — начал он. — В Стенсфилде много выходцев из Комптона. Один из них — наш враг, Эрион Кранц из банды с Рив-стрит. Его младший брат Кармак тоже поступил сюда. Сторонитесь чернокожих. Поняли?

— Мы поняли, — нашла Диана и посмотрела на недоумевающих друзей. — Потом все объясню. Бежим, нам пора.

Без пяти девять друзья вошли в лекционную аудиторию и по совету Дианы заняли места в верхнем ряду, откуда точно увидят своего врага. Льющийся поток первокурсников заполнял аудиторию, усиливая шелест переворачиваемых листов и шум разговоров.

— Простите мою невежественность, но что такое Комптон? — спросила Мари, заметно осмелевшая после заступок Дианы и извинений Джеффа, и теперь оглядывала аудиторию с интересом.

— Комптон — это город всех преступников, — коротко, с кислой миной ответила Эмма. — Я слышала, что там каждый день кого-то убивают.

— Неправда, — возразила Диана. — Каждые два дня.

Изумленные взгляды друзей мгновенно метнулись на Диану.

— Я там живу.

— Ты живешь в Комптоне? — ошеломленно переспросила Эмма. — Сколько?

— Шесть лет, — отвечала Диана.

— Я думал, туда заселяют только чернокожих и латиноамериканских убийц, — вставил Джефф. — Как вы там оказались?

Лишь Макс набрал воздуха, чтоб осадить друга за глупый вопрос, как взгляд увяз на Диане, уставившейся куда-то в сторону передних рядов.

— Видите чернокожего типа со шрамом на шее? — С видом, полным презрения и озабоченности, она приподняла голову и быстро вскинула брови, указывая вперед.

— Это брат Кранца — врага Эдди? — спросил Макс.

— Да, — ответила Диана, протяжно вздохнув.

— Их еще и двое, — процедил Джефф, чем навлек недовольные взгляды сидевших впереди. — Ты его знаешь?

Диана фыркнула, не отводя глаз от коренастого мальчика с плотно заплетенными к голове косичками, вольготно расплывшийся по стулу вместе с друзьями. Абрис шрама показывался на зашейке, теряясь у левого уха под туго стянутыми клоками.

— Кармак Кранц, — понизила голос Диана. — Живет в Комптоне, вместе со старшим братом Эрионом и такими же безмозглыми ребятами часто лезут на нашу улицу. Банда Эдди прогоняет их, но они все равно продолжают свои набеги. Их родителей никто никогда не видел. Мать умерла при родах Кармака, отец, потомок африканских рабов, живет в Каракасе, приезжает сюда только для того, чтобы оплатить обучение Эриону. Теперь вот, устроил младшего.

— С кем они тогда живут? — опасливо поинтересовалась Мари.

— Одни в своем доме под присмотром родителей Винса Уоррена, через дорогу от нас.

— Это еще кто? — нахмурился Джефф.

— Лидер их банды. — Диана понизила голос, поглядывая на вертящегося Кармака. — Мы все учились в начальной школе имени Роберта Кеннеди, отсюда и пошел биф.

— Пошло что? — переспросила Эмма. Опаска Дианы передалась всем, и она тоже заговорила тихо.

— Вражда. Ненависть. Знаете, у рэперов.

— Как такие поганцы могут учиться в Стенсфилде? — спросила Эмма, исподлобья поглядывая на Кранца.

Тут, будто ощутив устремленные себе в спину взгляды, Кармак Кранц обернулся, поблуждал взглядом по кабинету, пока не наткнулся на Диану.

— Он идет сюда! — испуганно зашипела Мари.

— Вау вау вааау! — Кармак стал перед компанией, растирая кулаки от воодушевления — король Артур, вынувший меч в камне.

— Узор моей ржавой жизни! Я и здесь тебя достал! — Голос его, неровный, булькающий, словно выходил из забитого слизью горла. Тело не жирное, но какое-то рыхлящееся, тонкий, обросший кожей шрам придавал грубой внешности Кармака вовсе страшный вид.

— Сколько же выложил твой папаша, чтобы воткнуть тебя сюда? — презрительно уронила Диана. Мари и Эмма в ужасе смотрели на Диану, не понимая, как можно грубить такому типу. Кранц обдавал Диану ледяным, хищническим взглядом. Впервые Макс разозлился по-настоящему.

— Ты что-то имеешь против нее? — вызывающе бросил он. Джефф с готовностью встал. Кармак пренебрежительно поглядел на Макса, губы его дрогнули, видимо, в попытке сдержать ругательства.

— А ты кто такой, белоснежный цыпленок? Думаешь, ты крутой? Приходи на нашу улицу. — Взгляд его вновь упал на Диану, твердо глядевшую на него со стиснутыми зубами. — Ты и здесь носишь эту футболку Фредди Крюгера?

— Заткнись и вали отсюда. — Макс угрожающе двинулся было на отвратительного типа, как тут раздался сильный голос преподавателя.

— Всем занять места, лекция начинается! — призвал мужчина средних лет в сером костюме, с сероватым лицом, бледно-рыжими волосами и ворохом веснушек на лице.

— Здесь мы говорить не будем, жду тебя на Рив-стрит, — прокаркал Кранц и быстро вернулся на свое место. А ты — он глянул на Диану и быстро произнес: — зачем тебе этот чмырь?

— Я грохну тебя, сукин сын, — бросил вслед дрожавший от ярости Макс.

Всю лекцию компания сидела хмуро.

— Никогда не видела такого гадкого типа, — возмущенно перешептывалась Эмма с Дианой.

Макс сильно сжимал ручку, оторвал ушко колпачка и жевал его, выливая гнев.

— Он всегда мне грубит. Такой способ произвести впечатление.

— Нагрубить, думая, что понравишься? — недоумевала Мари.

— Это все из рэпов и их текстов, — вздохнула Диана. Чем грубее ты с сукой, тем больше она твоя.

Глава 2

Наконец звонок возвестил об окончании лекции, томившаяся молодая энергия выплеснулась, поплыв к выходу рекой. Всю лекцию Макс прожигал затылок этому толстому наглецу с бушующей тягой к мести за нанесенные ему и Диане обиды. Наспех собрав вещи, Кранц с кучкой товарищей покинул аудиторию, не оборачиваясь к друзьям.

— Не думала, что увижу его здесь, — понуро призналась Диана, когда они спускались по лестнице в библиотеку с внушительным списком нужных учебников. — Они все время приходят на нашу улицу и нападают на Эдди и наших друзей. А в Комптоне нельзя ходить по чужим улицам. Эдди не говорит старшим, хочет решить сам, несколько раз была ужасная драка.

— И только для того, чтобы понравиться тебе? Ему кажется, это сработает? — уточняли в третий раз подруги.

— Он может только так. То же было в школе Кеннеди, Эдди каждый раз квасит им рожи, а Кармак радуется этому. «Пойми же, я хочу тебя и добыюсь!». Теперь вот, шоу продолжается в Стенсфилде.

— Не бойся, я не дам тебя в обиду, — заверил Макс. — Зардевшись, Диана слегка наклонила голову к нему, улыбнулась.

— Забудем о нем, — предложила она. — Сегодня много дел.

С наступлением вечера жара ослабла, улица наполнялась гуляющими. Кто-то лежал у озера под сенью душистых, как вытянутые корнишоны, листьев эвкалипта. На лужайке учебного корпуса играли во фрисби и волейбол. «Синие чулки» на скамейках во внутреннем дворе общежитий, в однообразных серо-коричневых пуловерах, схожих круглых очках, погруженные в раскрытые на коленях книги. Пары фланировали вдоль клумбы в праздных беседах. Первокурсники выбегали из холлов общежитий и прыгали обратно — кто-то у кого-то что-то в шутку отобрал. Некоторые собирали семена с калифорнийских маков, а особенно любопытные жевали их, наверное, памятуя о рассказах про кушавших их индейцев. Все это наблюдал Макс из фойе общежития вместе с Кристиной и Назарянами. Солнце медленно проникало за горизонт, пуская на прощание горячее сияние, вместе с чем полный знойного лиризма вечер становился все тише. В холле шла борьба младшекурсников, крутившихся у телевизора, с отгонявшими их от кресел старшими. За другими столами играли в настольные игры, пили чай, взятый из кафетерия в подвальном этаже, или просто сибаритничали за столами, полужакрыв глаза. Лишь Диана задумчиво водила взглядом по фойе, ни разу не улыбнувшись с утра.

— Он говорил Рив-стрит — это их улица? — спросил Макс.

— Восток-Рив-стрит. Улица, где живут Кранцы и кузены Винс Уоррен и Уэйн Тунис. Они четверкой и суются к нам. Нравлюсь я им всем, но Кармаку особенно. Я уже говорила, что у их банды биф с бандой Эдди из-за меня, из-за расы, и просто из-за разных улиц.

— Эдди, как бандиты учатся в Стенсфилде? — спросила Кристина.

— Как и все, — фыркнул Эдди. — Начальная школа на «А» по пяти предметам и двадцать тысяч в год. У отца Кранцев, видимо, деньги есть. Этот бестолочь надеется, что Стенсфилд исправит таких же как он, безмозглых сынков.

— Он живет и работает в Венесуэле с какими-то наркоторговцами, а сыновья здесь на попечении их соседа. — Кристина подозрительно шурилась. — Глуповатая схема.

— Схема что надо, — поправил Эдди. — Папаша-бестолочь всеми силами растит сынков, здесь бы он максимум мыл тачки.

Все напряженно замолчали. Никому не хотелось озвучивать пугающую догадку — отец Кранцев бандит, поэтому появляется здесь только перед очередным семестром для его оплаты.

— Расскажем старшим лучше о наших новых друзьях, — сменила тему Диана. — Эдди глянул на сестру и слегка коснулся подушечками пальцев ее подбородка. — Хватит киснуть, сестренка, тебе не идет вялость. Что скажешь про Мари и Эмму?

— Мы здорово поладим. Мари нужна поддержка, здесь у нее никого нет. Эмма будет лучшей студенткой курса. Советую тебе, Макс, дружить с ней, хотя бы для того, чтоб списывать уроки.

Манукян тускло ухмыльнулся.

— Как Джефф Челентано? — продолжал Эдди.

— Очень жизнерадостный, настоящий итальянец.

— И очень развязный, — добавила Диана. — Вот кого нужно привести на улицу — Сеск и Доминик быстро отучат его задевать девочек.

— Он не хотел задеть Мари, — вступился Макс. — Просто он слишком прямой.

Диана безразлично махнула рукой.

— Вот что, — решительно прервал молчание Эдди. — Позовите-ка их прямо сейчас к озеру, на дальний от нас берег. Похоже, какая-то химическая реакция в вас уже произошла. Мы с Кристиной и Робертом тоже пойдем туда. Марш за остальными цыплятами и бегом к озеру! А про этих Кранцев — Эдди встал, выпрямив голову: — Они взяли форт Самтер и положили начало своему концу. Значит, воюем.

Потребовалось добрых полчаса, чтобы убедить недоуменных друзей покинуть комнаты, отогнать сон и пойти к озеру. Эдди со свойственной ему скупой точностью дал лишь указание, не утрудившись ничего объяснить. Все же в конце десятого часа, когда покойная ночь разлилась по кампусу, пятерка первокурсников шаркающими шажками побрела к озеру.

— К озеру, прямо сейчас, — ворчал Джефф. — Мы не глупые собачки.

— Мой брат ничего зря не делает, — урезонивала Диана. — Скоро все узнаем.

С приближением к озеру отчетливее становилась черная гладь, отражающая стальную полосу лунного света. Три призрачные фигуры двигались в дальнем краю берега, сливаясь со стволом нависшего над озером дерева и оставляя вместо себя почти невидимые силуэты, похожие на тени от играющего листьями ветра.

— Войско прибыло, — окликнул Роберт Назаряна. Тот стоял спиной к подошедшим, запуская плоские камни в воду так, что они отскакивали от поверхности, долетая почти до середины. Обернувшись, он положил камни.

— Все пришли, — довольный, сказал он сам себе. — Пока вас не было, я научился метать камни по воде.

— Нет, мне нравится! — гаркнул Джефф, всплеснув руками. — Он позвал нас сюда, чтобы сказать, как научился метать камни по воде!

— Терпение, друг мой Челентано.

— Кастелано!

Кристина приблизилась к брату, ласково потрепала по волосам и подмигнула Джефффу:

— Слушайте внимательно.

— Итак, друзья. Вы уже знакомы с некоторыми обычаями Стенсфилда. Один из них — сообщества. Так вот, сейчас мы создаем собственную команду. Не просто группу по интересам, а команду верных друзей. Не львиный прайд, где львы дерутся за добычу, а волчью стаю, где каждый готов отдать все за своего, защищать раненого всей стаей. Вы знакомы всего один день, но ты, Джефф, готов был вместе с Максом защитить мою сестру от этого слизняка. Мари, моя сестра полюбила тебя. А для меня слово Дианы выше всего. И наконец, какая семья без мозгового центра? Эмма, только обещай, что будешь иногда давать своим друзьям списывать, когда они об этом попросят.

— Еще чего! — возмутилась Даррен. — Заниматься нужно самим, с этим помогу. Но списывать бездумно — простите, друзья.

— Исключить! — шутливо выкрикнул Эдди, выбросив руку в прогоняющем жесте.

— Но мы ведь пока не создали семью, чтобы меня исключить. Разве не будет никакого ритуала?

— Да, требуем ритуал! — вставил Джефф. — А то зачем выщипывать нас из постели, сказал бы за завтраком.

— Спокойно, дети мои, ритуал есть. Сейчас же встали все в круг!

Эдди вытянул руки, быстро затряс ладонями в призыве скорее соединиться. Восьмерка сомкнулась в круг, взявшись за руки. Потеющей ладонью Макс держал Диану, чувствуя ее мягкую холодность. Обдаваемый жаром, он робко шевелил соскальзывающими от пота пальцами по ее ладони.

— Повторяйте за мной: с этой минуты и на всю жизнь...

— С этой минуты и на всю жизнь! — вторил хор.

— Мы все вошли в один тигель!

— Мы все вошли в один тигель, — разливалось вокруг эхом.

— Наш круг безопасности, где мы семья. Скажите это громко!

Слившийся в один глас окутал Макса благоговейным чувством близости ко всем находящимся здесь. Вдруг показалось, что ладонь Дианы стала теплее, Эдди же сжал его руку крепче.

Этот маленький обряд сделал свое дело: знакомое всего день, новоиспеченное сообщество стало живо проникаться друг другом. Грозный Эдди Назарян, лидер с непререкаемым авторитетом. Диана, перенявшая от брата жизненные силы и отвагу, в остальном — полная его противоположность. Мягкая и сердечная, обнимающая одним взглядом, сопровождала Мари на каждом шагу. Кристина, не лишенная высокомерия и жеманства, всячески стремилась соответствовать роли подруги лидера, которого сторонятся иные старшекурсники. Будучи хороша собой, с черной гривой густых волос, овальным лицом с резкими линиями бровей и кошачьим проницательным взглядом, она питалась этой ролью, понимая, сколь много вокруг желающих быть подругой Эдди, и держалась гордо, но ровно так, чтобы не прослыть ветреной кривлякой. Словоохотливый позер Джефф пребывал в аффекте от внимания. Его неотесанная, дубовая манера говорить, подтрунивания по всякому случаю объяснялись врожденным артистизмом и зависимостью от чужого мнения. Вероятно, ее он унаследовал от волевого бизнесмена-отца, строившего жилье и торговые центры в пригородах Лос-Анджелеса, привыкшего всегда идти напролом. Степенный, рассудительный Роберт слыл среди однокурсников ушами Стенсфилда. Своим спокойным дружелюбием он притягивал всех, и знал школьную жизнь до самых глубин. С первого дня знакомства с Эдди он вручил ему штурвал судна своей жизни, преданно и безропотно последовав за ним, как Мари за Дианой.

Эмма Даррен станет, несомненно, самой прилежной ученицей. Помочь сделать домашнюю работу, объяснять уроки — Эмма взяла на себя роль живой библиотеки, в которой не нужно часами рыскать в поисках нужных сведений. Марисела Гонсалес, самая робкая и тихая, всем своим видом будто бы просила защиты. Неудивительно, что друзья, видя ее боязнь всего вокруг, относились к ней с должной обходительностью.

До сих пор Эдди мечтал создать свое сообщество, этакий «мирный» вариант Комптонских банд. Раз образовавшись, оно останется в том же составе на всю жизнь. Как-то по возвращению из начальной школы имени Роберта Кеннеди, где прошли их с Дианой первые школьные годы, он смотрел выпуск про макензийских волков, и, замороженный, стал мечтать о собственной команде, столь же крепкой и преданной членам. Вдобавок ему не терпелось доказать Кранцам, входившим в сообщество подобных им выходцев из восточного Комптона, что и тут он не уступит. Сколь крепок щит вокруг Дианы в Комптоне, столь же прочно она окружена друзьями

и здесь. Место и время обряда он специально выбрал ночью под луной, для большей схожести с волчьей стаей. Вдобавок, здесь есть Макс, уже показавший готовность без страха встать рядом с Дианой. В свои тринадцать Эдди прекрасно знал про объединяющую силу трудностей; общий враг не только сблизит их, но и истолкует этому юнцу, сколь тернист к ней путь, наводненный восплававшей ее красотой сворой гиен.

Стенсфилдская жизнь столь быстро утянула Макса и друзей в свой стремительный водоворот, что когда однажды во время игры в соккер, куда мальчишеский квартет сообщества шел вместе, его неожиданно окликнул Вэл Барский кромки поля, и объявил, что весь месяц неотрывно следит за его игрой, Манукян ужаснулся:

— Как быстро пролетел месяц! — воскликнул он. — Я часто вижу вас здесь. Вы любите соккер?

— Я люблю смотреть на детей, — сказал Барский полнокровным, сочным голосом. — В вас только чистое и настоящее. Ты поймешь, о чем я, лет через двадцать. — Декан мягко улыбнулся. — Я впечатлен твоей игрой. Вероятно, ты уже слышал про ежегодный чемпионат школы по соккеру?

— Конечно, сэр.

— У тебя прекрасные шансы попасть в сборную. Но об этом лучше скажет тренер. Я же просто хотел отметить твой талант и попросить продолжать в том же духе.

Насыщенная уроками, вечерними прогулками по нескончаемым владениям школы и играми бурная река учебы унесла свалившийся на них в первый день неприглядный валун в виде Кармака Кранца. Кроме редких встреч в столовой или на улице, сопровождаемых его сумрачным взглядом, парень с прической Cornrows и змееподобным шрамом на шее никак себя не обнаруживал. Дружба же Макса с Дианой крепла все больше; они сидели за соседними партами, вместе делали домашнее задание и всегда проводили свободное время вместе, гуляя вдоль берега озера, наполненного шепотом подхваченных бризом сочно-зеленых кустов литокарпуса. После вечернего обряда у озера Диана стала оставлять Мари с друзьями, уверенная, что ее не обидят. День за днем эта исполненная задора и детской пылкости девочка покоряла юное, наивно-чистое сердце Макса. Когда после фигурного катания Диана хвалилась новым взятым приемом, зарастающий в такие мгновенья мхом ум его мог лишь чувствовать бурлящий в ней стройный вихрь и лучащийся под крыльями черных ресниц взгляд. Столь чистый и оттого острый, что она улетит, как подхваченная ветром летучка одуванчика, от малейшей песчинки грязи, встреченной этими лучами.

Однажды поздним предвечерним сентябрем, когда солнце начало разрывать серебристые облака, вонзая в них золотистые лучи, утомленные занятиями в библиотеке, Макс и Диана шли по дорожке мимо лениво журчащего фонтана, столь же уставшего, как они.

— Сегодня в первый раз за все три посещения родители уехали спокойными, — поделился Макс. — Мы освоились, они это увидели.

— У меня идея, — внезапно сказала Диана. — Еще когда мы ехали сюда я заметила один мыс, и все хотела на нем побывать. Идем, пока есть время до ужина. — Она зашагала к воротам, не дождавшись ответа, Макс усталось лишь последовать за ней. Выйдя из ворот, Диана бросила, не оборачиваясь:

— Надо бежать, океан не так близко. — И рысцой устремила по дороге. Растущие по обе стороны чапарали подрагивали на бегу, исчезая из виду гладким потоком. С приближением к океану заросли стали реже, разбавляясь поначалу узкими прогалинами, затем просветами, и, наконец, остались лишь одиноко раскиданные деревца среди сухой, крошащейся земли. На перекрестке, где дорога расходилась в стороны, продолжили прямо, поднимая кисейную пыль от земли, сядившуюся на кроссовки и брюки. Макс сбавил шаг вслед за Дианой, жадно глотая

воздух. Слева показалась полоска океана, изумрудная вблизи и переходящая в темно-васильковый, окропленный барашками волн вдали.

— Мы почти дошли, — возвестила Диана, испуская шумный свист.

Пересекли железную дорогу, сопровождавшую путь к Стенсфилду. Сыреющая и темнеющая земля подтверждала слова Дианы. Справа выросла бежевая башня маяка с верхней стеклянной частью, затем открылась пристройка с красной крышей. Еще несколько шагов, и они встали на краю мыса, в двух футах от обрыва. Безбрежное покрывало растворялось у горизонта, смешиваясь с небом. Макс опустил взгляд. Ревел прибой вперемешку с бризом. Вода, ударяясь об отвесные скалы, крошилась частичками стекла. Где-то впереди виднелись силуэты трех островов, теряющиеся в раскаленной дымке. Туда наставила палец Диана, сказав понизившимся от волнения голосом:

— Посмотри. Что это за острова? Там кто-то бывал? Красиво, да?

Макс взглянул на нее, вновь на ее лице лукавая, чуть ленивая улыбка. По-другому она никогда не улыбалась. Понадобилась секунда, чтобы Макс понял, что изменилось в этот вечер — Диана Назарян прочно и безысходно воцарилась в его душе.

Проводить время на мысе незадолго до отбоя стало обычаем. Рысцой, как в первый раз, Макс и Диана неслись туда, где суша обрывается, как внезапно закончившаяся краска фломастера, и океан предстает во всем своем застывшем величии, будто вытесанный из массивов слоющегося друг на друга зеленовато-сизого лазурита, неподвижного вдалеке и беснующегося у берега.

— Какой океан красивый, — говорил Макс. Они прохаживались вдоль песчаного берега, садились на скалистые откосы и подолгу разговаривали. Выяснилось, что обе семьи в Ереване жили на одной улице. Рассказывали друг другу, кто в каких местах играл, обсуждали друзей.

— Эмма точно нравится Джеффу, — заявил как-то Макс.

— С трудом представляю, как могут сойтись трещотка Джефф и спокойная Эмма. Но из них может сложиться прекрасная пара.

В один из влажных жарких вечеров раннего октября Макс и Диана по привычке сидели на мысе, разглядывая маяк. За почти полтора месяца ежедневных наблюдений он ни дня не работал.

— Наверняка это какой-нибудь исторический объект, очень красивая пристройка, как церквушка, — рассуждала Диана. Макс поглаживал ее ладонь, молча кивая.

— Скажи что-нибудь, ты все время молчишь, — насупилась Диана, посмотрев на него.

— У нас так повелось: ты говоришь, я киваю, — засмеялся Макс. — Но скажу. Диана. — Несколько особенно сильных ударов волн заглушили голос. Макс подождал. — Мечтаю жить с тобой в доме у воды, так же близко, как этот маяк.

Позже они гуляли у озера, где кучи отдыхающих от уроков школьников облепили берег. Одни дремали, другие болтали, читали и играли в мяч. Паре приходилось глядеть под ноги, чтобы ненароком не наступить на какого-нибудь нежившегося на траве зеваку.

— Чувствуешь аромат океана? — Макс протяжно вдохнул запах бриза, свежести и морских водорослей.

— Запах Стенсфилда. Мне кажется, что все это происходит во сне. Здесь просто потрясюще! — Внезапно Диана остановилась, устремив взгляд вперед.

— Посмотри, — сказала она, быстро взмахнув головой. — Видишь Кармака? А с ним его брат Эрион.

На другом конце озера гуляли братья вместе с парой темнокожих друзей.

— Вот он, этот Эрион, — сказал Макс, вперившись в него взглядом. Ростом чуть выше Кармака, плотный, с животом в виде бесформенной груши, угловатой, будто выдолбленной зубилом головой. Черные волосы его сальной шапкой ложились на лоб. Судя по вылезающей

из мятых штанов футболке, этот тип совершенно безразличен к своей внешности. Он шлепал губами, словно жевал что-то кислое и перебирал языком оскомину.

— На них не найдешь места, куда не били кулаки Эдди и наших друзей. Две обезьяны — деграданта. Один влюбился в меня и пытался красоваться своей силой, второй, хоть и старше, но с таким же грецким орехом вместо мозгов. Эдди сказал, что у них здесь своя банда. «Африканские кочевники», нашли несколько испано-африканцев из Венесуэлы.

— Идем, я сейчас же добавлю к следам Эддиных кулаков свои.

— Как же! — зашипела Диана. — Идем лучше в столовую, нас заждались.

За ужином Диана поведала Эдди о встрече Эриона.

— Вы увидели его впервые? — спросил он, опустив хмурый взгляд на тарелку. Макс и Диана кивнули.

— Как думаете, почему?

— Действительно, — сказала Диана. — Мы видим его первый раз за полтора месяца. Он знает, что ты здесь, боится показаться?

— Он учится. Много, усердно. Стенсфилд для него — трамплин, с которого он может улететь из Комптона в нормальную жизнь. Их отец отмывает наркодоллары в Венесуэле и может платить по двадцать тысяч в год. Поэтому он появляется здесь два раза в год. Я видел его. Уродливый, боязливый, но очень серьезный. Так что Эрион не идиот, как ты считаешь, сестренка. А ты, Макс, не поймешь, о чем я, пока не увидишь. Поэтому, — он выпрямился, быстро вытер губы салфеткой и бросил ее в тарелку. — Мы с Дианой зовем вас, Макс и Кристина, к нам домой. В ближайший уик-энд.

— Плохая мысль, брат, — насупившись, отозвалась Диана. — Если их пристрелят...

— Диана! — рявкнул Эдди. — Глупая недотрога!

Подмигнув остолебеневшим Манукянам, Диана угрюмо сжала губы.

Впервые Макс влюбился в Диану на мысе Говермент-Пойнт. Но то была влюбленность в очаровательную крутую девочку. Во второй раз, побывав у них дома, Макс увидел ее иначе.

Старшие Назаряны с радостью приняли весть о гостях. Субботним днем, когда солнце начало медленно сваливаться с зенита, отец Армен Назарян приехал за детьми. Кристина накануне условилась с отцом, что в восемь вечера он заедет за ними. Два часа пути в сопровождении океана, затем несколько попутных городков, и мимо роскошной Санта-Моники, где из-за густых сплетений стройных, прямых, как солдаты на смотре, пальм выглядывали вереницы домов, машина заехала в трущобы городской суеты.

— Мы на Алондра-Бульваре, следующий поворот наш, — сообщил Эдди, когда они съехали с фривея. Сидя спереди, он часто поглядывал на друзей с лукавой ухмылкой.

Все время движения по фривею Макс с тревогой ждал съезда в город. Он был убежден, что благодатная панорама тотчас сменится грязными улицами и покосившимися домами, ожидал полчища бесцельно мельтешащих подростков с взведенными пистолетами. Увиденное же по безлюдности походило на утро после Рождества. Кроме тихо сидевшей у крыльца одного дома группы подростков город пустовал. Две машины ехали им навстречу, лениво, как попытка пробежки сытого до отвала. Они с Кристиной прилипли взглядами к компании, чем навлекли их вызывающие взоры.

— Ну как вам? — Диана чуть заметно улыбнулась. Макс быстро отвел взгляд от банды.

— Здесь нельзя на кого-то просто смотреть, — сказал Эдди. — Видите двух типов впереди? Это Луис Каттано и Чино, двое из шести генералов «Латиноамериканских королей», кому принадлежит наша округа.

— Тебе бы меньше интересоваться всякой дрянью, — презрительно одернул отец. — Для того вы с сестрой и учитесь в Стенсфилде, чтобы отойти от этой гадости.

Сын шевельнул плотно сжатыми губами и грозно опустил брови.

— Смотрите на провода, — резким, повывисившимся голосом сказал он. Призыв отца лишь раззадорил его. На них висела пара привязанных шнурками кроссовок. — Кроссовки погибшего братка, их вешают на провода над местом убийства в память о нем, — пояснил Назарян нарочито громко. Диана тихо ткнула брата в плечо. Эдди бросил на отца дерзкий взгляд и отвернулся.

Если жесткость и ретивость Эдди подходила духу городка, то Диана слишком сильно выделялась среди рядов одноэтажных одинаковых домишек с мусорными баками на тротуаре и сидящими на крыльцах группами подростков. Стены, разрисованные символами банд, громоздкая грузная паутина проводов на деревянных мачтах вдоль дорог. Проехали площадку, где играли в баскетбол с включенной на всю громкость колонкой. На перекрестке стоял темнокожий юноша, бросавший взгляды во все стороны. Эдди указал на него, посмотрел на Макса:

— Барыга.

— Я думал, здесь везде банды.

— Их не встретить когда угодно, днем жизнь их в основном кипит в домах, иногда они выходят на улицу и проводят тренировочные драки. Вечерами снуют по десять-пятнадцать человек, одетые строго в цвета своих банд. Днем в жару их не видно, в основном все гуляют вечером. Если увидишь у кого-то рацию — не удивляйся. Старшие пользуются ими для прослушивания полиции и координации действий во время рейдов. Хотя, по правде говоря, полиция сама тут всем рулит. Это один из немногих уголков планеты, где здравый смысл отступил. Тебя могут застрелить за то, что ты ненароком ступил на чужую территорию. В бандах есть специальные люди, просматривающие свою улицу. Сидя на крыше дома, в парикмахерской, в машине, они следят, чтобы чужаки не заходили на их землю. Молодые преступники не знают закона. Предел мечтаний — «Глок 18». Зарабатывают банды угонами машин, мелким рэкетом, грабежами, похищениями людей, наркоторговлей. В начале двухтысячных в Комптоне действовало больше шестидесяти банд, в том числе ячейки крупнейших международных группировок. Одна из них, «Латиноамериканские короли», контролирует большую область на юге города, рядом с ними на востоке банды чернокожих — Bloods и Crips, покончивших с войной в начале двухтысячных. Эти три банды договорились создать «квадрат мира» по границам своих южных владений, где не будет убийств и банды смогут жить мирно. Мир между чернокожими и латиносами — неслыханно для Комптона, невероятно для Южного Лос-Анджелеса. Сегодня Комптон немного успокоился. Но распад банд только начинается. С ростом цен на недвижимость многие люди стали уезжать, а приехавшие не имеют отношения к бандам. Это медленный, незаметный процесс. Комптон, который вы сейчас, друзья мои, видите, уже остыл от дыма пистолетных пуль, но повсюду еще разбросан термит, способный мгновенно полыхнуть.

Макс старался построить в голове две картины — Стенсфилда и Комптона. Столь разные миры сложились в Эдди и Диане.

— До Стенсфилда мы учились в начальной школе имени Роберта Кеннеди, — указала Диана в трехэтажное бежевое здание поодаль левее. Эдди продолжил лекцию:

— Наш дом стоит на территории латиносов и соседствует с кварталом черных, где живут братья Кранц и их лучшие друзья, кузены Винс Уоррен и Уэйн Тунис. «Квадрат мира» охватил и наши улицы, там порядок обеспечивают сети Crips и Bloods по южному Комптону.

— Сеты, как у суши. — Кристина пустила смешок и тут же собралась. Макс же озирался по сторонам, охваченный вспышками рэп-клипов и их рифмами. Всего пять минут Комптона, а тексты Снуп Догга, Айс Кьюба и Изи-И уже воспринимаются как правда жизни. Живущие же здесь с рождения подростки просто ничего иного не знают и не видят.

Машина подъехала к приземистому бежевому домику. Навес, тянувшийся на весь фасад, держали пять квадратных колонн. Облезлая краска на двери и окнах взывала к покраске. Ограждением маленькой армянской вотчины служил черный стрельчатый забор,

покрытый с внутренней стороны выющимися цветами. Если Назаряны платят за детей такие деньги и живут вот так, значит, они экономят на всем подряд. Мысль эту Макс чуть не высказал сестре, успев замолкнуть в последний миг.

— Мы дома, — объявила Диана.

Узкая дорога была застроена стоящими в ряд жилыми одноэтажками, тянувшимися в два ряда по обе стороны улицы. Несколько машин покоились на дороге, другие стояли взаперти за ограждением. Вся улица дышала тишиной и умиротворенностью. На тротуарах стояли зеленые и черные, набитые доверху мусорные баки. Диана выудила миг, когда отец и Эдди парковали машину в гараже-пристройке, и жестом подозвала Манукянов.

— Мы поселились сюда, думая, что будем жить в тихом пригороде, — шептала она. — Родители очень жалеют, что не познакомились с городом поближе прежде, чем купить на все деньги этот дом.

— Проходите, дети мои! — торжественно велел Эдди, отворив дверь. Жилище Назарянов представляло собой гостиную, соединенную с кухней, узкий коридор вел в две спальни. Деревянный стол с местами вздутым, треснутым лаком, ворсистый диван со вздыбившимися ворсинками, белая антресоль на стене — словно пришли из его дома в Ереване. Мариам Назарян приветствовала гостей с радушной улыбкой. В длинном цветочном платье, с аккуратно собранными в пучок волосами. «Садовник? Она?», не мог поверить Макс. Если бы не мозоли на обеих ладонях с внутренних сторон. Вот, от кого у Дианы черты. Те же темно-карие глаза, правильный овал лица, мягкий взгляд и теплая улыбка. Диана кинулась в объятия матери, расцеловала ее и представила друзей.

— Представляешь, они тоже жили на Московяна! Наверняка мы вместе играли. Папа вспомнить не смог. Может, ты можешь?

Миссис Назарян долго шурилась, водила пальцами по подбородку, пронизывала Манукянов напряженным взором и в итоге сдалась.

— У нас во дворе было так много детей. Идем за стол, я приготовила фахитос и булочки с подливкой. Между прочим, сегодня день Колумба.

— Пусть девочки ужинают. Мы с Максом погуляем, — вмешался Эдди.

— Но Макс не голоден, — нахмурилась мать.

— Мы поужинаем после прогулки.

— Ты пригласил друзей познакомиться с нами или своей обожаемой улицей? — порицательно спросил отец из-за стола.

— Мы сами решим, что делать, — бросил Эдди и кивком позвал Макса.

— Миссис Назарян, я правда не голоден, — виновато произнес он. Кристина обжигала его осуждающим взглядом, Диана безучастно села к отцу.

Сумрак сгустился, садясь на город громадной шапкой. По небу мрачно плыли пухлые облака. Несколько работающих фонарей тускло освещали пустынную, утопающую в тишине дорогу.

— Справа от нас граница «Латиноамериканских королей» и Bloods. Слева наша с Дианой прежняя школа. Что хочешь увидеть сначала?

— Границу.

Друзья вышли за ограду и пошли по узкому тротуару, едва вмещающему двух пешеходов. Вокруг царили каменная тишина и насыщенный сумрак. В грядках перед домами росли цветы, вздымаясь над оградой и перекидываясь через нее длинными лозами. «Прыгающих» машин, как и куч бесперебойно стреляющих во все стороны головорезов, также не встретилось. Ничего из виденного им не совпадало с его представлениями о Комптоне. Эдди заметил удивление друга.

— Наш район — единственный во всем Комптоне, где запрещены войны. Мы живем в «квадрате мира», который создали «Короли», Crips и Bloods, объединив свои восточные тер-

ритории на юге от аэропорта по Уилмингтон-авеню и до Гринлиф-бульвара. Мы должны быть примером порядка и законности.

— Запрещено воевать только с другой расой?

— Со своей делай что угодно, только не переходи черту.

— Какую?

— Убийство, дурачок. Полиция довольна, они требуют только не привлекать внимания.

Взамен разрешают делать наши ночные делишки. Зато сами — самая сильная банда в городе.

— Откуда ты так хорошо знаешь?

— Помнишь Луиса Каттано? Он дядя моего друга Сеска. Пообещал мне, когда мы вырастем, разрешить создать свою банду и вести дела самому.

— И зачем тебе это надо?

— Чтобы моя сестра не росла в этом дерьме.

— Ты собираешься убивать людей?

— Нет, глупыш. Другим путем.

По телу Макса пробежал мороз, проник в кровь, согнав жар с лица.

— Ты слышал что-нибудь о волчьих стаях?

— Во время нашего обряда, — ответил Манукян после маленькой паузы.

— Смотри. — Они вышли на перекресток. Впереди тянулись железнодорожные рельсы, заключенные в сетку-рабицу. За рельсами виднелись размытые во мраке контуры одноэтажек. — Это граница. За ней территория Bloods, а правее, на юг, Crips.

— Там живут Кранцы. — Макс присматривался к домам; ему представилась шайка Кармака, перепрыгивающая ограждение, спешащая увидеть Диану, и их драки с Эдди.

— Идем теперь к нашей школе. Так вот. Как думаешь, на кого волки больше всего похожи?

— Ммм... На собак?

— На нас, людей! — рокочуще рыкнул Эдди. — Семьи с вожаком, главной самкой, их детенышами и волчатами с предыдущих пометов. Их семьи — это настоящий круг безопасности.

— Любишь ты жить в фигурах: квадрат мира, круг безопасности. — Макс засмеялся собственному выводу. — А что не так с твоей семьей?

— У меня не семья, — презрительно фыркнул Назарян. — У меня чертов кодекс Хаммурапи. Посмотри, как мы живем. Когда еще жизнь человека была так упорядочена? О каких свершениях можно говорить, если нас отлили в стальные строки законов, порядков, общества, и еще чертовой дюжины? Ты должен знать, что историю вершили люди, вырвавшиеся из этих оков, а они, эти цепи, были всегда. Те, кто придерживался надуманных, ватных кодексов, ушли в небытие, как и эти умершие кодексы. На смену им пришли другие, и тоже ушли в небытие. И во время каждого исторического витка находились люди, срывавшиеся с этого колеса-убийцы, освободившие свой дух и разум и устремившие их на подвиги. Этих людей ты сегодня изучаешь по учебникам и преклоняешься перед ними.

— Тебя страшно слушать, — признался Макс, чувствуя себя ущемленным под накатом его гонора. — Ты отвергаешь свою семью только потому, что они запрещают тебе быть преступником?

Опрометчивый вопрос чуть не переполнил чашу гнева Эдди, заставив того судорожно сжать кулаки.

— Ты не понимаешь главного. Если я покорюсь предубеждениям, вся наша семья здесь и умрет. Я не хочу быть преступником. Но пока ты не поверишь в то, что твои ум и дух имеют право на жизнь, ты останешься во мраке времени. Оно тебя сглотнет, как кит глотает разом десять фунтов планктона. Поэтому мы должны делать все, что позволяют нам время и место, где мы живем. Эдди Назарян не согласен влиться в массу дурных простофиль, в чей мозг про-

никла кюретка с налетом архаичной ржавчины; я не позволю провести над собой эту позорную лоботомию!

— Тебе точно тринадцать лет? Я не понял ничего. Ты называешь предрассудками воспитание родителей? — спросил Макс, не боясь больше переполнения чаши. Одна поразительная для его возраста эрудиция Эдди располагала к себе. В копотной темноте они прошли жилище Назарянов, вышли через ограду в конце улицы к реке в бетонном канале — по нему текла только тонкая поблескивающая струйка — и перешли по мостику на другую сторону.

— Да, если они противоречат моим целям. Обязанности, предубеждения, устои — все, что является атавизмом и уродует нас сегодня. Моя мечта — создать стаю, разбогатеть, вывести отсюда Диану, и двигаться дальше. Все!

Макс молчал, разгромленный неистовым ураганом. Этот парень с блестящим умом, могучей силой и бешеным нравом неостановим.

— Не знаю, что и сказать.

— Ты согласен?

Макс колебался.

— Как забота родителей о тебе может уродовать тебя? Они крутят кое-какие детали в твоей голове, чтоб ты вырос нормальным. Мне отец всегда так говорит.

— А вот я должен увезти мою сестру отсюда, для этого нужны деньги. Но им нравится, что я делаю. Макс, вся наша планета стала такой благодаря длинной череде событий, и почти все, если вырвать их из цепи длиной в лет, стубила бы планету. Но спустя десяток-другой миллионов лет последствия этого события стали благоприятно отражаться на развитии жизни. Точно так же я чувствую влечение к рискованным, опасным вещам. И уверен: в будущем они принесут мне пользу; как наша Земля, единственный оазис жизни в мертвой черноте, я буду блистать и выделяться всеми своими достоинствами, к которым остальные побоялись шагнуть.

— Мне нравится, что ты сравниваешь свою жизнь с эволюцией нашей планеты, — усмехнулся Макс.

— Ты опять ничего не понял. Ладно, малыш. Через несколько лет, когда будешь готов, мы вернемся к этому разговору. Вот наша прежняя школа.

Они стоят возле низкого полукруглого здания, с оранжевато-земельными стенами и плоской выступающей крышей. К школе примыкал небольшой парк. Несколько подростков кулаками выясняли отношения, громко бранясь на весь парк. Эдди указал на дерущихся.

— Обычное занятие шпаны. — Вглядевшись внимательнее, сказал: — Идем посмотрим кто это. — Они ускорились, приблизились к своре.

— Это же мои драчуны! — воскликнул Эдди, устремившись к гурьбе. Макс затрусил вслед.

— Ну-ка прекратили, а то руки всем оторву! — громогласно оповестил Эдди о своем прибытии. Дерущиеся мгновенно остановились и выпрямились.

— Что за брачные игры тут устроили?! — продолжал он командным голосом усмирять потных, задыхавшихся оборванцев. — Разбежались все или я с каждым устрою такую брачную игру, мало не покажется!

Чудеса, изумлялся Макс. Сорванцы послушно свесили головы и один за другим, потрепанные и урчащие от боли, разошлись. Двое из этой компании торопливо зашагали к Эдди, поправляя волосы. На обоих были одинаковые желтые футболки и зеленоватые штаны.

— Этому отребью только волю дай — сгрызут друг друга, даже не отгрызнут! — проворчал один из них, парень чуть ниже Эдди, худой, и с вытянутым, как клюв орла, лицом. Его растопыренные ежиными иглами волосы и темно-карамельное лицо поблескивали от пота.

— Знакомьтесь — Макс Манукян, Доминик Петейра, — небрежно представил Эдди. — А это Франсиско Каттано, для нас просто Сеск, племянник Луиса Каттано, одного из генералов «Королей».

Второй был ростом с Макса, с тяжелым клубком черных волос, оливковой кожей, пухлым длинным носом почти без переносицы, отчего глаза почти соприкасались. Доминик приветствовал Макса сухо и хмуро, Сеск чуть теплее.

— Ты приехал один? — спросил Сеск.

— С Дианой.

— Когда и на сколько?

— Сегодня, завтра вечером возвращаемся. Макс — мой стенсфилдский друг. Решил познакомить его с Комптоном.

— Не боишься травмировать друга? — ухмыльнулся Сеск.

— Тише, приятель, я хоть и младше, но в морду дать могу, — пригрозил Макс, не чувствуя, однако, злости. Что-то во взгляде Сеска подсказало ему, что тот принял его.

— Храбрая моська, — похвалил Сеск и поглядел на Эдди. — Он мне нравится! — И вновь обратился к Максусу: — Как тебе у нас, парень?

— Интересно, — ответил Макс уверенно.

— Сеск и Доминго — мои лучшие друзья на всем Запад-Клод-стрит. Так из-за чего сцепились?

— Пабло обозвал Рикки кретином. — Сеск посмотрел на Макса. — Здесь словами не бросаются, парень. Если не можешь за себя постоять, тебя не возьмут в банду. У нас все отлично, Локо. Вчера катались на байках по реке, удирали от Т-1000. Приезжай, научим и тебя, бьет лучше крэка.

Издали раздался возглас Дианы.

— Эй, вы! Бросили меня и свалили!

Четверо разом оглянулись на стремительно подбегающую Диану. Сердце Макса екнуло — она здесь своя. Как разительно отличны две Дианы — Стенсфилдская и Комптонская. Ее красота и хрупкость наполнялись здесь дерзостью и храбростью, сорванецкой простотой.

— Хоть бы ты сказала, что вы здесь! — воскликнул в ответ Доминик, оскалившись в приветственной улыбке.

— Кто бы говорил! — откликнулась Диана, ускоряя шаг и тоже салютуя Сеску с Домиником. — Даже не позвали меня!

Оба по очереди обняли Диану, жарко, как лучшего друга.

— Что вы тут творили без нас? — хозяйским тоном спросила Диана.

— Да разве мы способны на что-то без нашего MVP? — засмеялся Сеск.

— Что за банда такая, где MVP — девочка? — саркастично подхватил Эдди.

Четверка комптонцев объединилась в невидимую сферу. Их звенящий смехом разговор, дружеские тычки в бок, поразительная легкость стерли все границы между ними, все общались как один. И как в «Стальном гиганте» все детали робота, взорванного ракетой, собрались обратно по зову маячка, так и их притянет из любых точек мира магнитом дружбы и преданности.

Наконец, Диана обернулась к Максусу.

— Ваш отец приехал, просил передать, чтобы ты возвращался и вам пора домой. — И, ехидно улыбнувшись Сеску и Доминику, сказала: — Не уходите, мы с Эдди проводим друзей и вернемся.

— Вмажь там этим Кранцам, — пожелал Сеск к Максусу.

Попрощались они совсем как в рэп-клипах: ударили по рукам с гулким хлопком, сцепились пальцами, затем быстро наклонились вперед, столкнувшись плечами. Макс попытался повторить ритуал, и, кажется, сумел.

— Приводи сюда братишку почаще, Локо! — кинул вслед Сеск. — Серьезно, Макс, тебе с нами понравится. Парень ты не промах.

— И если вдруг в этом вашем Стенсфилде какая проблема — зовите нас, — дополнил Доминик.

По пути домой Эдди расспрашивал Макса о его впечатлениях. Диана шла молча, внимая каждому его слову, и ревниво впивалась в Макса взглядом с каждым его словом. Всем своим видом она возмущалась и стыдилась его с Кристиной приезда.

— Ну что, Эдди, доволен? — стиснув зубы, роптала она. — Я на тебя очень зла.

— Хватит ворчать, Макс очень понравилось, — возражал брат.

— Конечно, понравилось, ведь нет места лучше Комптона, — съязвила Диана, не обращаясь. Она шла впереди широким, звучно отдававшимся от асфальта шагом, слегка поворачивая голову по сторонам и окидывая округу изучающим взором, как хозяйка, зашедшая домой после долгого отсутствия.

Отец стоял у крыльца вместе с Кристиной, скрестив руки на груди. Назарян-старший что-то ему говорил, водя рукой по воздуху. Отец, казалось, не слушал. Обрадованный встрече с отцом в этом непростом месте, Макс обогнал друзей и бросился в его объятия. Отец молча провел сыну по голове и глубоко заглянул ему в глаза.

— Все в порядке? — глухо спросил он.

— Да, папа. Мы отлично погуляли.

— Прощайтесь, и садитесь в машину.

Завершив прощания и выразив признательность, Макс и Кристина выполнили указание. Отец скупно поблагодарил Назарянов-старших и кивнул младшим. Выехав на фривей, он грозно взглянул на детей.

— Вы дружите с ними?

От холода, веявшего в голосе, обоим стало неловко. Макс вдруг оробел, почувствовав непонятную вину.

— Да, — тихо ответила Кристина. — Они наши лучшие друзья в Стенсфилде.

— И после того, что вы увидели, намерены продолжить дружбу?

Оба промолчали, скованные отцовским морозом.

— Это опасно. Они опасны. Порядочные семьи не живут в Комптоне. Вы должны прекратить дружбу с этими распутниками.

Глава 3

Указ отца вначале окатил Макса ведром ледяной воды, и Диана заметила вынужденную отстраненность, но никак не отвечала на клеймо испорченной в глазах его родителей. Лишь иногда садилась вечерами в фойе общежития, подавленно глядя в окно. Макс ухватился нескольких созерцаний этой невыносимой картины, чтобы чаша отцовских наказов сдалась перед зародышем любви к ней, стремительно крепнувшим и уже сильным настолько, чтобы возразить родителям. Слова же Эдди о стремлении вытащить сестру из полунищей бандитской жизни и судьбоносной важности жить самому подкрепляли этот зачаток.

— Я вас очень люблю, но моя жизнь — Диана! Все! — прокричал он как-то на очередной беседе с родителями так громко, что все взгляды фойе общежития приковались к нему. То был единственный шторм, пущенный им в родителей. Тему Дианы они больше не обсуждали, понимая, что глыба, летящая с горы, остановится только у подножия. Пусть этим подножием окажется обычная юношеская увлеченность, если же нет — капля за каплей внушение для его будущего опасности связи с уличной девкой. Пока же глаза сына блестят лишь вызывающим азартом. Особенно возмущало Макса, что все презрение обращено к одной Диане и совершенно не замечен ее брат. На это у отца есть ответ: улица сделает Эдди настоящим мужчиной. То, что полезно мальчику, недопустимо для девочки. Столь однобокое суждение и рождало корябящее Макса негодование. Для подтверждения своих слов он стал по выходным, когда за друзьями приезжали старшие Назаряны, ездить с ними, вынуждая отца заезжать за ним вечером и волей-неволей видаться с Дианой.

В такие дни он гулял с Эдди и Дианой по Комптону, виделся с Сеском и Домиником, и слушал их рассказы. Лидеры трех крупнейших банд «квадрата мира» обозначили границу по Уиллоубрук-авеню, ступать за которую воспрещалось под страхом жестокого наказания. Эти три банды вели свои дела только в своих владениях, а другим бандам, находящимся на их улицах, разрешалось заниматься только мелким рэкетиризмом и наркоторговлей с обязательным условием, что нажитым они делятся со старшими. Сами же «Короли», Crips и Bloods отводили себе все прибыльные занятия — подделку банкнот и документов, азартные игры, торговлю оружием. Эдди показывал ему жизнь своей банды изнутри. Манукяну разрешалось слушать и наблюдать, какова эта жизнь и кто ее герои. К вечеру, когда Запад-Клод-стрит оживлялась и группы одетых в желто-черное латиносов прохаживались по своим владениям, к дому Сеска, где собиралась банда, приходил Луис Каттано с одним, а иногда двумя генералами, и начинались наставления.

— Вы можете воевать между собой, — учили они, — отбирать улицы, ставить своих торгашей куда угодно, но не вздумайте использовать оружие и переходить Уиллоубрук-авеню. Сделавший это подлежит казни.

Проходили тренировочные драки, позволяющие членам банды оттачивать навыки избивения.

— Цифровые сканеры нужны для того, чтобы прослушивать разговоры полиции и быть готовым сделать ноги.

Итоги драк учитывались при построении иерархии в зарождающейся банде.

— Оружие вам разрешено носить с девятнадцати лет. Использовать его можно только в исключительных случаях, и только внутри границы. Любой нарушивший этот закон подлежит казни.

Под чутким надзором генералов Эдди Назарян стал предпринимать первые шаги — поставил торговца на перекресток Запад-Клод-стрит и Юг-Акация, назначил Сеска главарем боевого отряда, Доминика — по всем остальным вопросам банды, двух патрульных, в обязанности которых входит следить, чтобы чужак не ступил на их улицу. Вся молодежь Запад-Клод-

стрит тринадцати — пятнадцати лет вступила в команду, движимая слухами, что помогают им сами «Короли».

— Каждый получает деньги исходя из своего положения в иерархии, — поучали генералы. — Больше всех получает боевой отряд. Дальше идут патрульные и торгаши. Когда вырастете, сможете рэкетировать всех, у кого есть деньги. Но не переусердствуйте. Убийства гражданских ни к чему. Любой, убивший гражданского или полицейского, еще как-то поставивший под угрозу безопасность и скрытность банды, подлежит казни. Запомните, малыши, от врагов вас разделяет Уиллоубрук-авеню, но вокруг вас другие черные улицы. Помните про безопасность и продажность копов. Сегодня они наши друзья, а завтра вышвырнут из постели и увезут выше по Юг-Уиллоубрук.

Так, к семнадцати годам Эдди возглавил банду «Уэст-Клод-Стрит эрманос», добившись детской мечты о своей волчьей стае. Растущая в нем уверенность подкреплялась гордостью за собственные успехи. Первый шаг есть, дальше — зарабатывать, приближать с каждым долларом прощание Дианы с этим развратным захолустьем. Распирившая физическая сила требовала выхода, что выражалось в неистовом реве по всякому делу. Малейшее неповиновение обрушивало на провинившегося яростный кипятик. Макс был уверен, что стоит Эдди хоть немного усомниться в его мужественности и преданности, как он тут же запретит ему дружить с Дианой. Мощный скребущий голос его, грозно вздувающиеся ноздри и вспучивающиеся из-под майки мышцы красноречиво призывали немедленно подчиниться. Статный и не в меру крупный, без выдающегося абриса мышц, но хранящий всю исполинскую мощь внутри, вкупе с безудержным характером невольно вызывал у окружающих трепет. «Я всажу тебе пулю в глаз, если помешаешь мне работать ради сестры», предупреждал стальной холод глаз. Вечный коктейль эндорфина, кортизола и тестостерона.

Любовь Назаряна к сестре доходила до нездоровой. На каждой перемене он неизменно находил ее в коридорах, справлялся о прошедшем уроке, с упорством ищейки выискивая в ее рассказах любую неприятность. И хоть Макса возмущало такое недоверие к себе — разве он не сможет ее защитить? — одно лишь согласие дружить с его сестрой делало Максу честь.

Назарян довольно скоро превратился в первую фигуру Запад-Клод-стрит и соседней чернокожей Юг-Акация, снискав клички «Ти-Рекс» и «Локо». Все это привело к регулярным семейным скандалам, угрозам родителей выгнать его из дома и сказалось на учебе. К бакалавриату он подошел в ряду худших студентов. Бывать на улице только по выходным стало невозможно. Вначале за ним приезжал Сеск на дядиной машине, затем на седьмом курсе Эдди купил «Тойоту-Селику» сверкающе-серебристого цвета, покидая школу сразу после занятий и возвращаясь ночью.

— Я больше не могу видеть, как он изменился, это невыносимо, — делилась с ним Диана. — Он рассорился с родителями, ушел из дома, ночует у Сеска, в двухстах ярдах от нас. Однажды чуть не ударил отца. Никогда не забуду тот озверевший взгляд. С тех пор родители не звонят ему. Любую мою попытку заговорить с ним он пресекает фразой «потерпи сестренка, скоро я завяжу с этим». Это когда? Что должно случиться для этого? Чтобы его застрелили?

В особенности горестно было слушать, памятуя, сколь любознательным, с пытливым умом он когда-то был, чей надменно-проникновенный взгляд основывался на внушительных для своего возраста знаниях. Детская пылкая влюбленность Макса отлилась с годами в титановую твердость. Живость, прямота, добродушие и сердечность Дианы вместе с дерзковатой манерой навсегда пленили его. Кроме мыса с маяком они открыли для себя лежащий неподалеку каньон — пологий утес с песчаным подножием, куда они ложились на шумный, влажный от пылинок волн пляж, любовались небом, делились переживаниями. Гул нарастающей волны, увеличивающийся медленно, затем резкий грохот удара о мыс, слабеющее ненадолго шипение отходящей воды, и снова возрастающий гул.

— Рано или поздно его упакуют в мусорный мешок, — говорила Диана дрожащим от плача, сбивающимся на шепот голосом. — Каким он был, кем стал. Всего за четыре года. — Плач ее сливался с прибоем, растворяясь в морском, солено-травянистом океанском воздухе.

— Помнишь, как пару лет назад я тоже часто ездил с ним? Уже тогда он мечтал разбогатеть и купить тебе дом подальше от Комптона.

— Знаю, Макс. Хотя мне он это не говорит. Я не хочу ради этого потерять брата. Ему семнадцать лет. Еще четыре года — и возраст средней жизни бандита.

Кажется, Диана хотела еще что-то сказать, но слова застряли в ней, и она лишь молча смотрела на океан. Они обнялись. Некоторое время оба слушали дыхание друг друга и треск разбивающихся о скалы волн. Они сидели на заросшем мхом камне, глядя на омывающие бело-снежный песок воды Вуд-каньона.

— Я хочу прожить с тобой всю жизнь, — шепнул Макс, крепче прижимая Диану. — Когда-то, почти пять лет назад, мне запретили это мои родители. Я отказался. Поверь, Эдди тоже прошибает все ради тебя. Для него банда не цель, а средство.

— Убеди его остановиться, — не поднимая головы, грустно ответила Диана. — Мне нужен брат, а не память о нем. Он увлечется, и желание избавить меня от Комптона станет лишь прикрытием.

Диана стала первой и единственной девушкой Макса, и любовь эта казалась уготованной ему. Расстаться в шесть лет и сойтись через пять в другой точке мира. Насколько она безразлична и холодна к потокам увлеченных ее красотой мальчишек, настолько предана ему. Он чувствовал свою принадлежность ей, — Диана тянула к себе, маня столь чудесными мгновениями, что наполняет всю их жизнь.

В первый день пятого учебного года Максу позвонил Сеск Каттано, пригласив его к себе домой на вечеринку.

— Это твоя последняя поездка. По рукам. — потребовала Диана.

— По рукам, — твердо ответил Макс. — А после нее нас с твоим братом ждет небольшой разговор.

День клонился к закату, на горизонте загоралась рыжая полоска, медленно поглощавшая огненный диск солнца. Макс и Диана вошли в ворота и неспешно направились к общежитию.

— Знаешь, думаю, пришло время познакомить тебя к нам домой.

Диана не подала виду, но глаза выдали тревогу.

— Ты должен хотя бы подготовить меня.

Вместо ответа Макс рассмеялся, сжал ее руку в своих, ощутил всю мягкость и нежность маленьких ладоней с тонкими длинными пальцами. Большие глаза в окаймлении пышно изогнутых ресниц стали еще выразительнее и, кажется, светлее, обретя стойкий карий цвет. Плотные брови плавно изгибались, старательно очерченные кистью мастера. Черты стали острее, детский пыл оттеснило спокойное свечение ясного ума.

Макс продолжил с жаром, передавшимся от его ладоней к ней:

— Сейчас я сделаю то, что лучше всяких слов ответит на все. — Он придвинулся к ней и припал губами к ее губам. Мгновенное опьянение овело его, когда он ощутил, что Диана отвечает взаимностью. Эти три секунды их первого поцелуя родили в нем нечто неизведанное и до того волнительное, что он вначале не понял, испытывает ли страх или блаженство. Возможно ли в это поверить — его любит сама Диана! Ее полные лилейно-мягкие губы одухотворяли само определение нежности, ее отзывчивый поцелуй источал поистине эдемское удовольствие. Если есть еще следы райского сада на земле, то поцелуй Дианы и ее ласкающий полушепот — один из них.

— И я тебя люблю.

Влюбленные неспешно обогнули озеро, скрытые от низких лучей заходящего солнца развесистыми деревьями, отбрасывающими дрожащий свет на мшистую землю, затем прогулялись вокруг узловатой клумбы променада общежитий и, наконец, войдя в фойе, встретили Вэла Барского, прохаживавшегося в компании двух дородных темнокожих женщин из obsługi в голубых униформах.

— Добрый вечер, мистер Барский! — воскликнули хором Макс и Диана, поспешив к нему. Декан обдал их привычной теплой улыбкой.

— Какая радость видеть моих птенцов свежими и повзрослевшими после каникул! Вы случайно не ошиблись днями? Церемония ведь только послезавтра.

— Нам хочется побыть наедине, — ответил Макс с гордостью, поглядев на Диану. Та смущенно улыбнулась, приподняв уголок губ. Декан положил руки им на плечи, наклонил голову, отчего очки съехали на нос, и исподлобья взглянул на обоих.

— Рад видеть вас, дорогие. Вы знаете, что школьные двери всегда открыты для своих учеников, а для вас, прелестных, тем более.

— Чем мы заслужили такую честь? — осведомился Макс. Этот человек вызывал у него необъяснимое, особенное уважение.

Он понизил голос и ближе наклонился к слушающим.

— Во-первых, вы одни из лучших учеников своего курса. Во-вторых, глядя на вас, я вспоминаю мою молодую влюбленность. И наконец, как русский, скучающий по родине, вижу в вас, армянах, родные души. То же относится и к вашим брату с сестрой. — Тут его лицо посуровело. — Только мистер Назарян ужасно меня огорчает. Вы поделитесь секретом, что с ним случилось?

Макс чуть не выдал на голубом глазу всю правду, смущенный влечением быть честным с деканом, но Диана нашла раньше:

— Ему недостает терпения. Если бы не эта мальчишеская вспыльчивость, не дающая ему усесться за уроки!

— Жаль. Я возлагал на него большие надежды. Твой брат — очень одаренный юноша. Ведь я не впустую затеял этот разговор; помню, раньше он много читал и был для своего возраста на редкость смышленным. Не дайте ему погубить себя.

Последняя фраза была выговорена тише всего, но так проникновенно, что Макс услышал слезы в ответе Дианы:

— Обещаю, сэр: мы сделаем все, чтобы спасти его учебу.

Барский поочередно подмигнул обоим.

— Прошу меня извинить, у меня дела. — Сжав плечи обоих на прощание, он продолжил обход с ожидавшими в стороне служанками.

Они молча двинулись к лифтам, усыпляемые сумерками и усталостью. В ярко освещенном безмолвном коридоре их этажа был устлан пушистый ковер медного цвета, услужливо зазывающий стопы ступить на себя. Макс и Диана остановились у ближних к витражу комнат. Со второго курса Диана облюбовала эту солнечную сторону с чудесным видом на полумесяц учебного корпуса и ослепительно зеленой лужайкой внутри, и с тех пор они неизменно селились тут.

— Во сколько вы завтра едете? Я с вами, увижусь с родителями.

— В три. Дождусь Эдди и поедem с ним.

— Надеюсь, помнишь слова мистера Барского и свое обещание?

— Да, милая.

— Ужасно, что Барский так взволновался делами Эдди. Я часто обращалась к нему летом, старалась чаще бывать в их компании, чтобы сберечь от глупостей. — Она горько вздохнула. — Но что мои старания? Как если вырвать сигарету изо рта курильщика в надежде, что теперь он бросит курить.

Заклучив ее в объятия, Макс вновь проникся веющим от его любимой сладостно-теплым ореолом и еще раз мысленно отметил, что отныне это согревающее излучение с ним навсегда. Вероломная мысль переночевать вместе залетела в обращенную страстью в безрассудный алтарь голову, но ее тут же вытолкнул встрепенувшийся рассудок.

Утро прошло в напевающей трелью пересмешиков тишине. Пустующая столовая лениво готовилась к завтрашнему дню. Силой жалости и уговоров Макс и Диана выпросили себе яичницу, пару сэндвичей и несколько яблок в дорогу. В полдень позвонил Эдди, велел быть готовыми в два — Лос-Анджелес стоит в пробках. Диана тут же заметила шевельнувшееся в Максе беспокойство.

— О чем думаешь?

— Не хочу идти на эту вечеринку. Они причислили меня к своим, а мне нужно оттащить Эдди от них.

— Если ты надумал пить, то не вздумай увлечься, — предупредила Диана, выставив палец.

Серебристая «Селика» засверкала точно в срок. Пара в это время шагала по дороге в сторону океана. Эдди резко притормозил, скрипнув шинами, и выглянул в окно, сверкая подвижным нетерпением.

— Еще немного, и вы бы дошли до Лос-Анджелеса!

— Ты едва помещаешься в машину, — заметил Макс в ответ.

Комптон встретил троицу привычно безлюдной жарой, дребезжащими тенями раскинутых деревьев под вьющимся ветром, ветхими покосившимися заборами и выпавшими из наполненных мусорных баков бумажными клочками. За отсутствием свободных мест Эдди припарковался за перекрестком с Юг-Акация, где стояли дома Сеска и Доминика. На перекрестке стояла молчаливая группа чернокожих юнцов. С приближением троицы между ними прошел ропот, сопровождаемый подозрительными взглядами.

— Все в порядке, мы идем прямо, — сказал Эдди, указав на продолжение Запад-Клод-стрит. — Юг-Акация-авеню — улица черных, — объяснил он, когда шайка остался позади.

— Столкновения между черными и латиносами запрещены, — добавила Диана.

— Да. Он знает, сестренка, мы много раз говорили ему это. Жизнь здесь такая тихая и сонная.

Макс отметил не меняющуюся с годами умиротворенность. Казалось, мифический Гипнос облюбовал этот город для приложения своих способностей.

Не дойдя несколько шагов до дома, Эдди остановился, смущенно посмотрев на сестру.

— Иди одна, не хочу их тревожить.

— Исключено! — возмутилась Диана, схватила за локоть и настойчиво потянула за собой. — Ты будешь видаться с собственными родителями, понял? Не смей больше такое говорить! — Эдди отступил перед сестрой, единственной, кто еще верит, что улица не погубит его.

Дверь открыла Мариам, встретив детей и их друга лучезарной улыбкой. От броска Дианы она качнулась назад и сжала дочь в объятиях. Эдди шагнул следом.

— Здравствуй, мама, — потупив взор, вымолвил он, удостоившись не менее любящего объятия. Сразу бросилось в глаза, как ему неловко принимать материнскую любовь, нанося при этом ей такую боль. Не успел Макс поздороваться, как Эдди объявил:

— У нас много дел, мы должны идти. Побудь с Дианой, мы придем к вечеру.

Тот же повелительно-категоричный тон, как и годы назад, разве еще более раскатыстый. Мать коротко взглянула на Макса, будто безмолвно сожалея, что он заодно с сыном, и провожала их с порога, пока друзья не исчезли за обставившими тротуар машинами.

— Дело, конечно, не мое, но ты груб с матерью, — заметил Макс.

Назарян метнул на него гневный взгляд.

— Ты болеешь болезнью большинства населения планеты, — ядовито бросил Эдди. — Плоскостью. Видишь одну грань, а упускаешь всю пирамиду. — Тон его становился резче, голос злее, взгляд стал обжигающе-тяжелым.

— Да, груб. Но, черт тебя возьми, спроси себя «Почему?».

— Я только хочу сказать, что они любят тебя и очень волнуются.

— Любить значит доверять, — напирал Эдди, ускоряя шаг. — От вас мне нужна только вера. Остальное мешает. Любовь тому причина, беспокойство или что — мне неважно. Ты знаешь, зачем я делаю то, что делаю.

— Ты сумасшедший. Когда ты сможешь купить дом и переселить ее?

Назарян издал гневный возглас, означающий, что чаша терпения полна и гнев вот-вот выплеснется наружу. Макс не ответил на этот вой, стараясь держаться смиренно. Только сейчас, увидев впереди ограждение железной дороги, он понял, что шли они вовсе не домой к Сеску, а к границе.

— Куда мы идем?

— Хочешь посмотреть на Кранцев вне школьных стен?

— Нет! Довольно того, что уже видел. Я обещал Диане и родителям не посещать больше Комптон. Давай просто пойдем к Сеску.

Словно не слыша, Эдди подошел к ограждению, перелез и спрыгнул с другой стороны; щебень вокруг рельсов хрустнул под ногами.

— Скорее, здесь негде скрыться от поезда, — сказал он, не оборачиваясь. Пока Макс, кляня его настырность, перелезал через ограду, Эдди одолел вторую и ждал, нетерпеливо ломая руки. Наконец нарушители границы вновь сошлись и пошли в сторону Рив-стрит — Эдди бравой поступью завоевателя, Макс пугливыми шажками. За поворотом им встретился пухлый чернокожий мальчуган с садовыми граблями, одетый в красные шорты, еле выглядывавшие из-под широкой, на несколько размеров больше, белой футболки, сгребавший опавшие листья на газоне у дороги. За ним, у въезда в дом, из поливочного шланга тонкой струйкой текла вода, образовав лужицы во дворе и на тротуаре.

Заметив чужаков, юнец нахмурился и исподлобья смерил обоих.

— Кто такой? — обратился Эдди бесцеремонно.

— Я здесь живу, — бросил он, приковав взгляд на незнакомцев. — А вы кто?

— Не твое дело.

— Если не хотите проблем, валите отсюда сейчас же.

— Зачем мы это делаем? — спросил Макс шепотом. — Пошли назад, пока нас не заметили.

— Не бойся, vato. Страх отнимает силы.

— Ты псих, — шипел Макс, озираясь по сторонам в ожидании неминуемой опасности. Улица устрашающе пустовала, как саванна, скрывающая в опаленных зарослях крадущегося льва. Тем временем они подошли к светло-серому дому, обнесенному белым забором.

— Будь готов сделать ноги, — предупредил Эдди.

Походив несколько секунд с безучастным видом около дома, он нагнулся и подобрал несколько мелких отломившихся от бордюров камушков.

— Не вздумай! — взмолился Макс, разрываясь между страхом и злостью. Камни метнулись в дом быстрой очередью — первое выломало окно, другие с глухими хрустами отлетели от фасада и двери, оставив на последней зияющие сколы. В ту же секунду из окна показались озадаченные лица обоих Кранцев и их нескольких товарищей.

— Ловите этих сукиных детей! — завопил Кармак, выйдя на улицу. Ноги сами отодвинули Макса назад, скрыв за спиной Назаряна.

— Ублюдки чернозадые! — хохотал Эдди. — Вот я, поймайте меня, вонючие гиены! — Vato, валим!

Они пустились наутек, преследуемые разъяренной шайкой врагов. Ослепленный ужасом Макс бежал за Эдди; возгласы преследователей раздавались так близко, что казалось, еще секунда, и тяжелая рука схватит за шею, повалит наземь. У ограждения железной дороги он мельком оглянулся на их осатанелые лица. Впятером или вшестером, они стремительно догоняли друзей, перелезавших ограждения без оглядки, едет ли поезд. Его оглушительный вой раздался в ту секунду, как Макс заметил блеснувший в руках одного из головорезов пистолет.

— Пистолет! — захлебываясь, выдавил он.

Едва они спрыгнули с ограды, как невыносимый скрежет поезда и выстрел сошлись позади в убийственной связке. Пока поезд мчался, скрыв преследователей, друзья умчались до самого Юг-Акация.

— Ты чуть... не убил нас, — задыхался Макс, когда они пролетели перекресток. Натянутые как тетива лука нервы грозились порваться от того смертельного треска в ушах. — Придурок, нас чуть не расплющило в тряпку.

Назарян рассмеялся тем рокошущим, безумным хохотом, каким избежавший смерти выражает облегчение.

— Прости, друг, — исторг он прерывисто. Оба шли молча, мысленно воздавая хвалу небесам, все еще сраженные коснувшимся их дыханием смерти.

— Эти уродцы обзавелись оружием, — нашелся наконец Эдди. — Нужно сообщить генералам.

— Держался бы ты подальше от этого дерьма, — сказал Макс, оглядываясь назад в неотступающем страхе. — Ты отмороженный долбач. Как можно делать такое? Или это приблизило тебя к цели?

Эдди промолчал, очевидно, от неловкости. До конца пути, пока они не остановились у забора с кирпичными стойками раскаленно-красного цвета, он оглядывался назад, мотал головой в осуждение своего поступка и пытался улыбнуться.

— Доминго! — крикнул он на всю улицу. В недрах дома раздался окрик, и Доминик выбежал, перепрыгнув через ограду.

— Привет, братишка из внешнего мира! — Он бойко затряс Максу руку. Толстогубый, скуластый, с орлиным носом и скошенным вырезом глаз, он спустил тонкие усы, струйками впадающие в густой пушок на подбородке. Взгляд обрел свирепую печать, набитую годами бандитской жизни, безысходность которой все четче представлялась взрослому юноше. Черные сальные волосы стягивались в тугий поблескивающий пучок. Эдди тут же поведал про пистолет.

— К черту чернозадых! Скормить их псам! — чертыхался Доминик, примешав к брани упреки своему лидеру: — Какого дьявола полез туда один? А если бы вас подстрелили?

— Я не знал, что у них оружие.

— Чертов Эрнан Кортес. Зови банду, и пошли размазывать нигтеров!

— Нет! Мы сделаем умнее.

— Мы должны пойти и бошки им поотрывать!

— Остынь, псих ты безмозглый! — рявкнул Эдди. — Делай как я сказал! Мы сообщим старшим. А теперь пошли к Сеску.

— Хорошо, — отступил Доминик. — Кстати, он помирился с Ким.

— В пятый раз или шестой? — фыркнул Эдди. — И что?

— Подумай сам! Помнишь ее подруг Майру и Стейси?

— Лучших комптонских стриптизерш. — Эдди закатил глаза и криво усмехнулся. — Еще бы.

— У Сеска все готово к вечеринке. Дома фунт травы, галлон «Рон Барсело», Стейси и Майра ждут звонка.

— Ты предлагаешь познакомить Макса со стриптизершами? Как, по-твоему, я должен ответить?

— А если будет действовать правильно, затащит одну из них в постель, — продолжил Доминик и рассмеялся. «Либо у него неисчерпаемый кредит доверия перед своим лидером, либо это очередной экзамен», — думал Макс.

— Или сразу обеих, — сказал Эдди. — Только знай. — Он бросил взгляд на Макса. — Они зарабатывают на жизнь тем, что танцуют стриптиз на вечеринках крутых парней, но они не продаются. Так что если ты надумал заняться с ними...

— Старик, не плети мне паутину, — оборвал Макс. Эдди с Домиником разразились дружным хохотом, заставив Манукяна зардеться и смущенно нахмуриться. Еще не оправившийся от погони, он спрятал руки в карманы, чтобы скрыть дрожь.

— Забудь об этом! — сказал Доминик. — Просто выпей, приди в себя. Выглядишь, как брошенный в воду котенок.

Дом Сеска стоял на самом краю Запад-Клод-стрит, где улица упиралась в узкую дорожку, за которой располагался широкий водопроводный канал. От улицы дорожку отделял ветхий, покосившийся забор из металлической сетки, служивший лишь обозначением границы, но никак не преградой. В этом месте царила непререкаемая тишина, разбавляемая разве что головами соседей и изредка проезжавшими за забором байкерами. Заслоненный пышным ковром стоящего рядом развесистого дерева, дом Сеска, ставший после смерти его родителей штабом «Уэст-Клод-стрит эрманос», обладал завидным преимуществом расположения. Совершенно скрытый с улицы, примыкающий к тупику, из единственного бокового окна дома сквозь тучную крону дерева Запад-Клод-стрит просматривалась почти до границы латиносов на Юг-Уиллоубрук. Здесь проходили самые порочные и безнравственные сборища голодных до удовольствия подростков, не гнушающихся ничем, лишь бы сполна воспользоваться магической силой хрустящих бумажек, способной одурманить незрелую голову миражами всесилия.

Сеск ждал троицу в полной готовности — бочковатая бутылка «Рон Барсело» в центре стола в гостинной красила комнату насыщенно-медовым цветом, бокалы сияли острыми гранями, а беспорядочно расставленная закуска из фруктов и нарезок подпевала зовущей к веселью выпивке. Внешность Сеска годы не подвергли такому изменению, как у Доминика, сделав его суховатым, крепким, ростом выше среднего. Разве что колючий взгляд стал еще более пронзительным под выступающими веками. Ровные толстые линии бровей скосились к носу из-за его вечной нахмуренности. Курчавые жесткие волосы сбивались в челку, вынуждая его часто водить ладонью вверх по лбу.

Бутылка вскоре опустела, жалостливо засверкав сползающими со стенок каплями. Пока Доминик вещал Максусу о какой-то давней драке с черными, Сеск позвонил Луису.

— Да, дядя! Гиены прокололись. Скажи Bloods-ам, что на их земле развелись изменники, из этих змей надо связать узлы на их собственных заборах!

И бросив трубку на диван, посмотрел на Эдди.

— Молодец, Локо, gloria a nuestro capitán! Uno momento, traeré la botella.¹

Он соскочил с дивана и прытью устремился на кухню, обураваемый воинственными порывами. Вторая бутылка закончилась быстрее первой, беседы отвязно слились в обсуждения плоских телевизоров, вреда крэка, музыки 40-х и «Тачки на прокачку». Когда входная дверь внезапно скрипнула, Сеск с Домиником рванули в прихожую. Макс настороженно прислушался к раздавшимся женским голосам. Стейси и Майра, вспомнил он. От позорно разыгравшейся фантазии кровь обдала лицо кипящим румянцем, каждый стук kloкотавшего сердца спазмом отзывался в горле и груди.

¹ Слава нашему капитану! Момент, я принесу бутылку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.